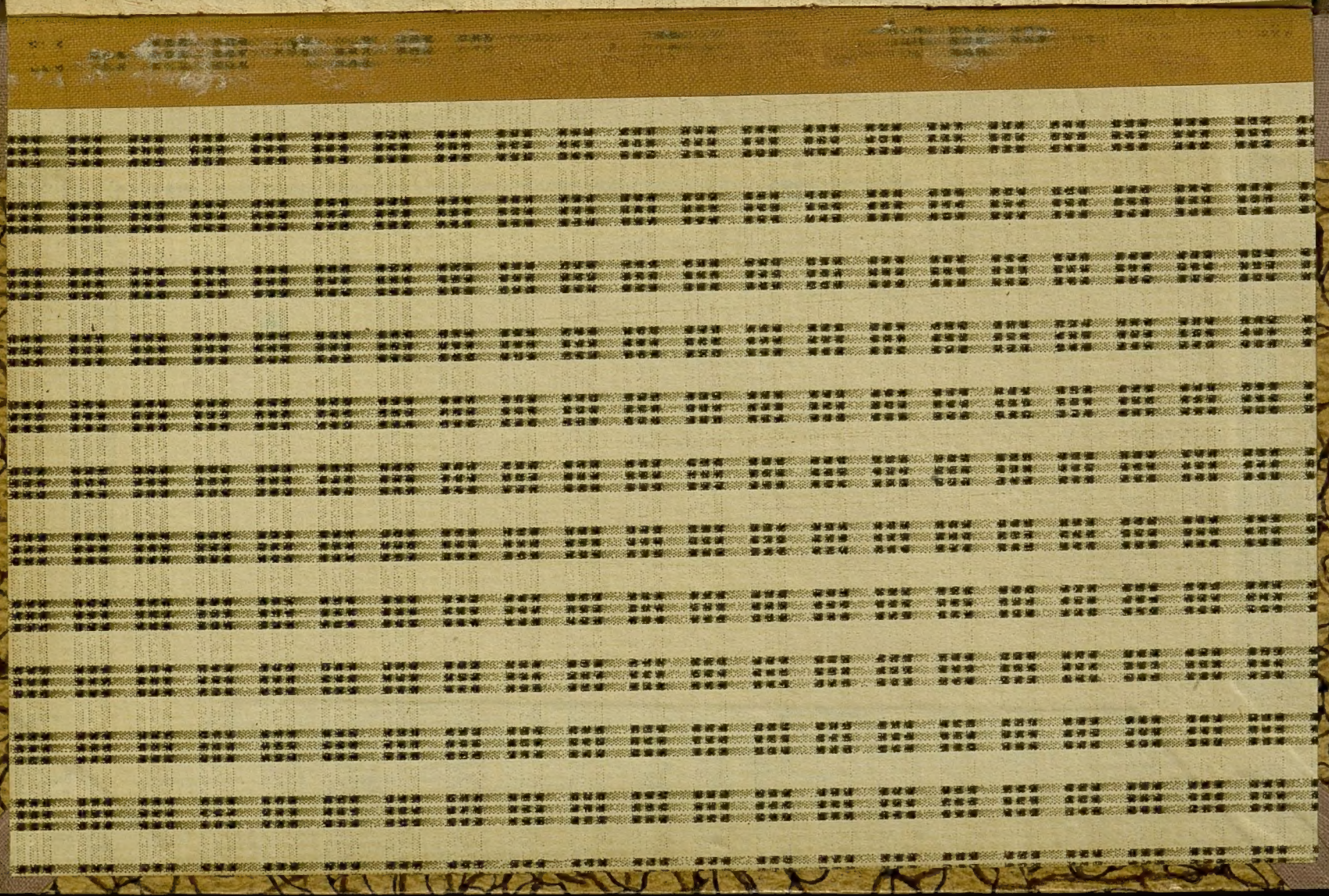
КБ
Д 24
Дворцов А
Марксистско-
ленинское
учение..
М 1932



КБ
D 24

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРОВ.

А. ДВОРЦОВ

ПОГАШЕНО
3А2.3
Д 2А3

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЕ УЧЕНИЕ О ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА

ПОГАШЕНО
334

ОПЕЧАТКА

На 2 странице, 9 строка снизу

Напечатано: редактор Д. Фихман.

Следует читать: редактор Е. Ковалев.

КБ
D 24

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРОВ. ИНВ.

А. ДВОРЦОВ

ПОГАШЕНО
3А12.3
Д2А3

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЕ УЧЕНИЕ О ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА

ПОГАШЕНО
334
ПОГАШЕНО
1957

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—1932

Ком. Ун-та Нац. Меньшинств Имени Ю. Ш. Мажарова БИБЛИОТЕКА

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Вступление	3
Насилие и его историческая роль	7
О методах господства буржуазии	17
Социал-фашисты—главная опора капитализма	20
Государство и социал-фашизм	29
Буржуазная демократия и социал-фашизм	46
Диктатура пролетариата и социал-фашизм	54
Историческая роль диктатуры пролетариата	59

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
564960

Сдано в производство 29.IX-32 года.
Подписано к печати 25/V-32 г.
Редактор Д. Фихман
Техредактор А. Лавров
Уполномоченный Главлита В—25396
Партиздат № 413. Форм. бум. 182×111
4½ печ. листов; 42.600 зн. в печ. л.
Отпечатано в типографии
„6-й Октябрь" тр. „Мособлполиграф"
г. Загорск, Московской области
Заказ № 4241. Тираж 10 000 экз.

ВСТУПЛЕНИЕ

В борьбе с ревизионизмом, оппортунизмом и центризмом, со всеми враждебными марксизму-ленинизму теориями и течениями гигантски выросла и окрепла наша ленинская партия. Она превратилась в несокрушимый оплот международной социалистической революции. На все попытки извратить и нарушить целостность мировоззрения пролетариата партия всегда давала решительный отпор. Ленин, самым решительным образом выступал против всякой беспечности и беспринципности в отношении методологических основ марксизма.

„Маркс и Энгельс, — писал он, — от начала и до конца были партийными в философии, умели открывать отступления от материализма и поблажки идеализму и фидеизму во всех и всяческих „новейших" направлениях" (т. XIII, изд. 2-е, с. 277). На том же основании Ленин вскрывал идейное содержание философского ревизионизма, со всей присущей ему прямотой обрушивался на конкретных носителей ревизии марксизма. И, естественно, на том же основании эта работа и в наше время ни на минуту не должна быть прекращена. И это тем более, что современный философский ревизионизм перерос в открытое теоретическое обоснование политического господства буржуазии. Он открыто стал на путь отрицания материалистической диалектики, на путь реставрации буржуазного позитивизма.

И нужно сказать, что современные идеологи социал-фашистского II Интернационала в этом искажении и извращении методологических основ марксизма видят дальнейшее „углубление" и „разработку" теоретического наследства Маркса—Энгельса. Они совершенно открыто объединяют идеализм и материализм и не считают это отступлением от марксизма. Более того, они не признают никакой необходимой связи между историческим материализмом Маркса и философским материализмом. Каутский прямо заявляет: „Философия занимает нас здесь лишь постольку, поскольку она имеет дело с материалистическим пониманием истории, а последнее представляется нам соединимым не только с Махом и Авенариусом, но и с кое-какой другой философией" („Die Materialistische geschichtsauffassung," Bd. I, S. 28).

Разумеется, такой взгляд отнюдь не содействует выработке правильного представления о целостности марксизма. Наоборот, он ведет к полному игнорированию внутренней неразрывной связи между историческим материализмом и философскими предпосылками марксизма, выражением которой, как известно, является единый метод и единая революционная цель. Но такой взгляд не случаен. Каутский упорно его держится более 30 лет. Прямым подтверждением в этом отношении является письмо Каутского к Плеханову от 22 мая 1898 г., в котором была сформулирована именно эта точка зрения.

Однако эта точка зрения не является из ряда вон выходящей. За возможность соединения историко-экономических взглядов Маркса и Энгельса с критицизмом Канта высказывается целый ряд неокантианцев — Бернштейн, Макс Адлер, Штаммлер и др. Попытки сблизить теоретическое наследство Маркса с кантовскими этическими взглядами чрезвычайно многочисленны. Реакционный смысл этих попыток совершенно бесспорен.

„В области философии, — писал Ленин, — ревизионизм шел в хвосте буржуазной профессорской „науки". Профессора шли „назад к Канту", и ревизионизм тащился за неокантианцами; профессора повторяли тысячу раз сказанные поповские пошлости против философского материализма,—и ревизионисты снисходительно улыбались, бормотали (слово в слово по последнему хандбуху), что материализм давно „опровергнут" („Маркс, Энгельс, марксизм", Гиз, 1925 г., с. 50).

Таким образом неокантианство имеет своей целью опровержение диалектического материализма. Но борьба против диалектического материализма есть борьба против революционного мировоззрения пролетариата. Ревизионисты, ставшие апологетами капитализма, прекрасно это понимают, а потому они стремятся придать своему отступлению форму „обоснования" марксизма. На самом же деле мы являемся очевидцами предпринятых ими атак на революционный марксизм с позиций механистического материализма и буржуазного позитивизма. Вот почему нашей первейшей задачей должно быть разоблачение и вскрытие реакционной сущности методологических основ современного ревизионизма. Наши удары должны быть направлены против механического сведения действительности к общим законам, против идеалистического понимания общественных отношений, нашедших место в работах по историческому материализму. Наши удары должны быть направлены против меньшевиствующего идеализма, против механистической ревизии марксизма, против всех теорий, так или иначе враждебных революционному марксизму.

Мы сейчас встречаемся с целым конгломератом суждений,

стоящих в прямом противоречии с материалистическим пониманием истории. Мы находим и подмену основного противоречия между производительными силами и производственными отношениями противоречием между хозяйством и правом, и отрицание исторических закономерностей в природе и истории, и отождествление человеческих целей с объективными закономерностями, и наконец прямое извращение правильного понимания материалистической диалектики. Среди конкретных носителей этих различных извращений и отступлений от диалектического материализма мы встречаем немало известных фигур, принадлежащих к социал-фашистскому лагерю.

Однако в целях краткости изложения мы остановимся исключительно на Каутском и прежде всего посмотрим, каковы его методологические позиции. Разумеется, Каутский считает себя вернейшим последователем Маркса и Энгельса, хотя по целому ряду принципиальных вопросов диалектического материализма он занимает диаметрально противоположную точку зрения. Так например, по Каутскому, диалектика — это эволюционное приспособление индивидуума к среде, т. е. к капиталистическому обществу. И понятно, момент „приспособления" в каутскианском понимании диалектики не случаен. Каутский стремится обойти острые грани классовой борьбы, теоретически обосновать отвращение к насильственному перевороту, к диктатуре пролетариата и пр. А потому он мыслит развитие общества и природы в пределах допустимой, непротиворечащей его взглядам схемы. Заметим, что эта схема отнюдь не оригинальна. Она находит свое реальное выражение в понимании развития как некоторого процесса, протекающего в условиях постоянного нарушения и восстановления равновесия.

Что же тут нового? Абсолютно ничего. Перед нами всем известное дюрингианское „противоречие сил". Перед нами жалкие попытки выдать за „собственное мировоззрение" то, что со стороны революционного марксизма не могло встретить ничего другого, кроме жесточайшей критики. Вот почему тысячу раз прав был Ленин, когда говорил о Каутском: „Если говорить о философских основах данного явления, то дело сведется к подмене диалектики эклектизмом и софистикой. Каутский—великий мастер такой подмены" (т. XXIII, изд. 2-е, с. 339).

И действительно, Каутский берет кусочек от Гегеля, причем заимствует от него реакционные моменты, кусочек от Канта, от Маха и т. д., и всю эту теоретическую „окрошку" он выдает за „собственное миропонимание". Подходя к проблемам исторического материализма с таких методологических „высот", Каутский вещает, что в „Материалистическом понимании истории" он дает свою собственную историческую точку зрения.

Посмотрим, какова же эта точка зрения. Как известно, Маркс определял общество как совокупность определенных производственных отношений, находящихся на определенном этапе своего развития. Не то мы видим у Каутского. Для него общество, по существу, есть простой агрегат индивидуумов, отношения которых он отождествляет с психическим процессом В этой сфере, по его мнению, господствуют исключительно волевые устремления индивидуумов. Все конкретные связи, порождаемые определенными материальными условиями, он подменяет абстрактными понятиями. Политику и экономику истолковывает в виде двух совершенно обособленных параллельных рядов, причем экономику он отдает во власть капиталистов, оставляя за пролетариатом право на приспособление к сфере политической жизни. И в этом приспосабливании он видит социальный прогресс, видит единственно правильный путь к мирному завоеванию пролетариатом парламентского большинства, задачей которого должно явиться окончательное объединение политики и экономики в неразрывное целое.

Здесь по существу мы видим знакомую нам теорию мирного врастания капитализма в социализм, которая, как известно, нашла свое выражение и у нас в СССР в пресловутой оппортунистической теории врастания кулака. Конечно в условиях диктатуры пролетариата это приняло своеобразную форму. Под флагом теоретического обоснования организующей и созидательной роли пролетариата были протащены идеи абсолютно чуждые и прямо противоположные учению Ленина о переходном периоде. Так например т. Бухарин заявил, что „теперь, в период нашего строительства осью нашей политики является мирная организационная работа". Разумеется, такое заявление совершенно не вяжется с представлением о диктатуре пролетариата как продолжением классовой борьбы в новых формах. Наоборот, оно превращает ее в некоторую оболочку для сотрудничества классов.

Такое освещение классовой борьбы решительно осуждено всей нашей партией. Партия вскрыла теоретические корни этого явления, дала решительный бой абстрактно-социологической механистической теории правого уклона. Разбор и критика т. Сталиным „теории равновесия" превратились в борьбу за диалектику, за правильное ленинское осмысливание процесса социалистического строительства. Партия подвергла суровой большевистской критике методологические и политические позиции контрреволюционного троцкизма, воспитывая и закаляя в этой борьбе пролетариат нашей страны и его молодые растущие кадры и боевые силы международного революционного пролетариата.

НАСИЛИЕ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ

Маркс, Энгельс и Ленин не признавали насилия „вообще". Для них не существовало внеклассового насилия. Оно не представляло собой „исторического фундамента", на котором возникли экономические отношения. По их мнению, насилие являлось для господствующих классов средством, обеспечивающим сохранение и упрочение антагонистического способа производства. Великие учители пролетариата считали то насилие жизненно необходимым, которое отвечает интересам революционного класса.

Разумеется, насилие пролетариата по своим задачам, целям и методам отнюдь не тождественно реакционному насилию буржуазии. Оно выступает в форме организованной революционной силы, борющейся за политическое господство пролетариата. Чрезвычайно глубокое замечание мы находим у Маркса по поводу применения пролетариатом средств насилия против врагов пролетарской революции в его конспекте на книгу Бакунина „Государственность и анархия".

„Покуда существуют еще другие классы,—писал Маркс,—в особенности класс капиталистический, покуда пролетариат с ним борется (ибо с приходом его к власти не исчезают еще его враги...), он должен применять средства насилия, так как насилие—средство для управления; если он сам еще остается классом и если не исчезли еще экономические условия, на которых покоится классовая борьба, т. е. существование классов, они должны насильственно быть устранены и преобразованы, процесс их преобразования должен быть насильственно ускорен" („Летопись марксизма", т. II, 1926, с. 93).

Здесь начертал Маркс программу активных действий пролетариата против капиталистических сил в эпоху пролетарской революции. Здесь конечно и не пахнет сотрудничеством классов, „промышленным миром", о чем трубят социал-фашисты. В приведенной цитате слово „насилие" повторяется целых четыре раза. Значит ли это, что Маркс любил бросать серьезные слова на ветер? Это означает только одно: для осуществления перехода к социалистическому способу производства Маркс считал неизбежным применение сурового насилия против всех эксплоататорских классов буржуазного общества. Это

означает также, что только путем ликвидации классов и радикального уничтожения экономических основ капитализма пролетариат может открыть путь к прогрессивной, качественно иной форме движения производительных сил и производственных отношений.

Однако отсюда далеко не следует, что марксизм распространяет применение средств насилия на все времена, на все эпохи. С уничтожением классов и отмиранием пролетарского государства, разумеется, исчезнут и всяческие формы проявления насилия и принуждения, ибо там, где уже нет экономических условий, могущих в той или иной степени порождать борьбу классов, там нет места для насилия и принуждения.

Разоблачая классовый характер буржуазного насилия, снимая с него блестящие „священные" ризы и социал-фашистские наряды, марксизм показывает его действительное назначение, его реакционную роль в современном буржуазном обществе. Он говорит, что чьими бы руками ни осуществлялось это насилие, под какой бы этикеткой оно ни выступало, оно имеет своей задачей защиту и охрану буржуазной эксплоатации [1].

Насилием пользуется буржуазия с целью охраны своей хищнической собственности, с целью порабощения и усиления эксплоатации рабочего класса. Она прибегает к нему не для созидательных творческих целей, не для развития производительных сил в интересах подавляющего большинства трудящихся, а для обуздания с помощью социал-фашизма рабочего класса, для подавления революционного движения.

Прошло то время, когда в интересах развития производительных сил буржуазия с помощью принуждения и насилия наносила сокрушительные удары феодальным отношениям, когда она применяла насилие в целях превращения феодального способа производства в капиталистический, когда приемы этого насилия сокращали муки рождения нового, буржуазного общества. Канула в вечность эпоха первоначального накопления с ее неисчислимыми муками, грубейшими насилиями и

---

[1] В „Капитале" К. Маркс дал анализ внеэкономического, т. е. непосредственного, насилия и экономического насилия. Доминирующую роль первого Маркс относит к эпохе первоначального накопления и только в виде исключения к эпохе 60-х годов XIX века (см. т. I, главу о так называемом первоначальном накоплении). Второе—экономическое насилие—проанализировано в IV отделе „Капитала", т. I, гл. „Производство относительной прибавочной стоимости", а также и в других местах.

Маркс вскрыл тот факт, что, несмотря на то, что экономическое насилие может осуществляться и без применения избиений, арестов и других видов принуждения, оно, равно как и внеэкономическое насилие, является классовым насилием. В данном случае сами условия производства выступают против трудящегося, порабощают его. В наше время наряду с экономическим насилием буржуазия на каждом шагу прибегает и к внеэкономическому насилию, к организованной силе фашизма и буржуазного государства.

бедствиями. Маркс увидел, что само насилие есть по существу „экономическая потенция", что та или иная роль его не может быть объяснена ни из него самого, ни из велений бога, как думают мракобесы.

„Различные моменты первоначального накопления, — писал Маркс,—распределяются теперь между различными странами, а именно между Испанией, Португалией, Голландией, Францией и Англией, и притом более или менее в известной исторической последовательности. В Англии к концу XVII в. они систематически объединяются в колониальной системе, системе государственных займов, современной налоговой системе и системе протекционизма. Эти методы в значительной мере покоятся на грубейшем насилии, как например колониальная система. Но все они пользуются государственной властью, т. е. концентрированным и организованным общественным насилием, чтобы облегчить процесс превращения феодального способа производства в капиталистический и сократить его переходные стадии. Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция" („Капитал", т. I, изд. 1925, с. 744).

Такова классическая оценка прогрессивной роли классового насилия буржуазии.

По образному выражению Маркса, насилие является повивальной бабкой, так как оно способствует рождению нового общества. Разумеется, Маркс говорил не о насилии вообще. В данном случае у него шла речь об „организованном общественном насилии", о насилии, которое облегчает процесс превращения феодального способа производства в капиталистический, а это и есть классовое насилие.

Таким образом нельзя понять историческую роль насилия без анализа общественных отношений, без изучения всего экономического базиса, которым определяется развитие приемов и методов классового насилия. Как известно, крепостническое хозяйство уходит с исторической сцены не по божьему велению, его вытесняет отнюдь не сила разума. Оно исчезает вследствие развития производительных сил, вследствие его вытеснения капиталистическим способом производства. Вот почему буржуазия пускает в ход все материальные средства, все идейные рычаги, всю силу своего общественного влияния, ибо стремится обеспечить господствующее положение именно этому способу производства. В процессе вытеснения феодальных отношений насилие буржуазии выступает в качестве революционного фактора, так как оно способствует развитию нового прогрессивного способа производства, новых производственных отношений.

Коль скоро капиталистическое производство приводит к созреванию новых производительных сил, буржуазная форма имущественных отношений становится существенным препятствием для дальнейшего развития общества; и буржуазия как класс превращается в консервативную контрреволюционную силу. Соответственно этому ее методы насилия и принуждения уже не служат более развитию общества, они направляются против нового общественного класса—против революционного пролетариата.

Этот процесс развития общественных форм, нашедший вернейшую формулировку впервые у Маркса, остался за семью печатями для Евгения Дюринга. Более того, Дюринг стремился приобрести почет и авторитет в немецких широких кругах за счет „дрянных нападок" на Маркса. По интересующему нас вопросу он написал столько „всякого вздора", что Энгельс, желая предотвратить проникновение последнего в головы рабочих, не мог не дать ему решительной отповеди.

В чем же существо вопроса? „Некоторые из новейших социалистических систем,—писал Дюринг,—выставляют руководящим принципом кажущееся и бросающееся в глаза совершенно обратное взаимоотношение, выводя из экономических условий формы политического подчинения. Бесспорно, что эти действия вторичного характера существуют как таковые и в настоящее время особенно резко чувствуются; но первичный фактор все-таки следует искать в непосредственном политическом насилии, а не в косвенном влиянии экономической мощи" (Энгельс, Анти-Дюринг, 1923, с. 180).

Дюринг полагал, что „первичным фактором" является непосредственное политическое насилие, что оно служит основой для возникновения эксплоатации, частной собственности, что оно создало весь строй современной экономической жизни народов. Он утверждал, что с точки зрения интересов гражданского общества насилие может быть оправдываемо только в двух случаях: во-первых, как фактор защиты индивидуумов друг от друга, во-вторых, как фактор охраны общества от вторжений извне. Заявляя это, Дюринг горделиво думал, что утверждения новейших социалистов, именно Маркса и Энгельса, основаны на роковом заблуждении, на недомыслии и что только он открывает „окончательную истину в последней инстанции".

Насколько велика цена этой „окончательной истины", мы хорошо знаем из той широко известной критики, которой подверг Энгельс писания Дюринга. Вот одно из существенных мест, в котором в противоположность Дюрингу дана исключительно богатая по содержанию оценка исторической роли

насилия: „Каждый рабочий - социалист, безразлично какой национальности, очень хорошо знает,—писал Энгельс,—что насилие только охраняет эксплоатацию, но не создает ее; что основанием эксплоатации, которой он подвергается, является отношение капитала и наемного труда и что это последнее возникло чисто экономическим путем, а вовсе не путем насилия" („Анти-Дюринг", 1923, с. 174).

Как раз это игнорировал Дюринг. В противоположность Энгельсу он выводил экономические условия из насилия, причем само насилие представлялось ему в форме голого бесклассового принуждения. Разумеется, не случайно Дюринг не мог понять того, что хорошо знал „каждый рабочий-социалист". Не случайно в своих исследованиях он сплошь и рядом имел дело с абстрактными индивидуумами, не видел классовой стороны насилия и не понимал социально-исторической обусловленности эксплоатации. Его беспрестанное качание между идеализмом и материализмом, теоретическая путаница, эклектизм были существенными препятствиями к объективно правильному изучению социальных явлений. Изучая исторический путь развития человеческого общества, он объяснял все социально-экономические явления исключительно насилием, видя в нем то гнетущее абсолютное зло, которое якобы движет и управляет миром.

Дюринг полагал, что насилием созданы рабство, крепостничество и наемный труд, что из него вытекает фальсификация естественных законов и что только „внутренняя сила духа" способна вернуть человечеству суверенность индивидуумов. Он не мог понять того, что насилие есть только средство, что оно может быть осуществляемо только там, где есть налицо реальные предпосылки — антагонистический процесс производства. Кроме того для Дюринга оставался за семью печатями и тот факт, что насилие может действовать как в интересах экономического развития общества, так равно и вопреки этому развитию. В его воображении насилие оставалось абстрактным всечеловеческим злом, в которое впали люди на подобие библейских Адама и Евы. „Что насилие играет еще и другую роль, роль революционную,—писал Энгельс,—что оно, по выражению Маркса, облегчает муки родов всякого старого общества, чреватого новым, что оно есть то орудие, при помощи которого общественное движение пробивает себе путь и разбивает застывшие, омертвевшие политические формы,—об этом мы не находим у г. Дюринга ни слова" („Анти-Дюринг", с. 210).

Таким образом Дюринг, мысля о насилии как об абсолютном зле, как об орудии дьявола, старательно обошел его революционную роль, его классовый характер. Хвастливо

декларируя против насилия вообще, он полагал, что при добром желании человечество может спастись от этого зла путем „выработки лучших космополитических систем права". Он не понимал того простого факта, что никакая законность, никакой правовой кодекс, предложенный хотя бы лучшими космополитами мира, неспособен избавить общество от насилия, что оно неустранимо до тех пор, пока существует капиталистический строй, пока средства и орудия производства находятся в руках эксплоататорских классов.

Это игнорирование классового характера насилия далеко не случайно как для Дюринга, так равно и для других противников революционного марксизма. Дюринг точно так же, как и сегодняшние вожди социал-демократии, исходил из возможности примирения классовых интересов, из возможности установления в буржуазном обществе начал сотрудничества и гармонии „между человеком и человеком". Решение этой проблемы у него дано в сугубо идеалистической форме.

„Задача совершенно вытравить с корнем насильственно-враждебные действия между человеком и человеком,—писал Дюринг,—или пока по крайней мере ограничить эти враждебные действия или смягчить способы его проявления — это совершенно разумная задача может быть, очевидно, окончательно разрешена не через высшую внешнюю силу принуждения, а только внутренней силой духа, живущего в суверенном индивидууме, т. е. через образование справедливой и благородной воли" (E. Dühring, Cursus der National- und Socialökonomie, Leipzig 1892, S. 350).

Таково мудрое решение Дюринга. Немецкие филистеры могли праздновать свою победу. Ведь легче всего ждать устранения принуждений и насилий через укрепление „внутренней силы духа", через „образование справедливой и благородной воли", чем рисковать общественным положением, а иной раз и жизнью в классовой борьбе. Внутренняя сила духа—вот тот целебный бальзам, который способен вернуть человечеству его суверенность, мир и покой.

Разумеется, Дюринг не представлял своеобразного исключения. Успехи монополии финансового капитала приводят к пышному расцвету социал-реформизма и социал-фашизма в рабочем движении. Появляются целые фаланги оппортунистов и ревизионистов, печальная знаменитость которых становится достоянием всех стран мира. Однако в отношении исследуемого нами вопроса вряд ли можно найти более известного и более искусного виртуоза, чем Карл Каутский.

Было бы ошибочно думать, что декларативное заявление Каутского о насилии в той или иной степени соответствует взглядам Маркса и Энгельса. У Каутского буквально нет ни

одного замечания о насилии, которое не было бы тут же сопровождено целой бездной оппортунистических увертoк и ухищрений. Показательна в этом отношении его брошюра „Революционные перспективы".

„Все еще справедливы слова Маркса,—пишет здесь Каутский,—что сила является акушеркой всякого нового общества. Ни один господствующий класс не покидает власти добровольно, не будучи к этому вынужденным. Но это не значит непременно, что акушеркой и нового общества должно быть насилие. Восстающий класс должен иметь в своем распоряжении силу (Machtmittel), необходимую для того, чтобы лишить власти старый господствующий класс, но не безусловно обязательно, чтобы эта сила была применена. Сознание наличности такой силы может при известных условиях оказаться достаточным для того, чтобы побудить падающий класс к мирным переговорам с противником, силы которого чрезвычайно увеличились.

Чем больше и чем более могуча сила пролетариата, чем распространеннее знакомство с нею, тем больше возможность мирного перехода от капитализма к социализму" (изд. „Знание", 1907 г., с. 54—55).

Эти суждения чрезвычайно оригинальны. Каутский высказывается за насилие, за переход власти в руки пролетариата. Наряду с этим он оставил полнейшую свободу для отступления от прямого решения вопроса. Это особенно характерно именно в данном случае. Каутский полагает, что господствующий класс может уступить свои позиции без сопротивления, без борьбы. Он уверен, что достаточно одного численного превосходства пролетариата для того, чтобы побудить господствующий класс к добровольной, мирной сдаче позиций. Но это—легенда. Господствующий класс никогда не уступает своего исторического места без борьбы, без сопротивления. Переход от капитализма к социализму не может быть осуществлен в мирной форме. „Могучая сила пролетариата" неизбежно встречает на своем пути к политическому господству свирепое сопротивление эксплоататоров. Этого как раз и не хочет признать Каутский.

Что же тогда остается от насилия как средства борьбы с эксплоататорами? Ровно ничего: одни голые декларативные заявления. Весь насильственный характер пролетарской революции превращается в искусственную декорацию. И это не случайно, Каутский уже в ранний период своей деятельности обнаружил свою непоследовательность. Строго говоря, его сползание с высот марксизма вниз, в болото оппортунизма и ревизионизма началось задолго до империалистической войны 1914—1918 гг. Вот почему партия большевиков во главе с Ле-

ниным всегда вела непримиримую борьбу с ревизионизмом и центризмом Каутского, Троцкого и др. Нынешний же Каутский—уже окончательно сложившийся тип ренегата, враг диктатуры пролетариата, продавший перо и совесть буржуазии. Прямым подтверждением нашей оценки служит вся его современная деятельность, вся клевета и все нападки на СССР. Вот незатейливая, но чрезвычайно яркая, иллюстрация. „Если Ленин в 1917 г. издал пароль" „грабь награбленное" и его выполнили,—пишет Каутский,—то это свидетельствует о том, что русские города еще полны восточного духа" („Die Materialistische Geschichftsauffassung", B. II, 1927, S. 434).

Куда же итти дальше? Каутский воспринял как разбой, как варварство восточного духа революционное насилие над буржуазией, над врагами Октябрьской революции. Величайший процесс экономической революции, получивший свое выражение в превращении монополистической собственности буржуазии в собственность пролетарского государства, он нашел неслыханным преступлением, грубейшим нарушением основ цивилизации и демократии. Знаменитое положение Маркса „Бьет час капиталистической частной собственности,—экспроприаторов экспроприируют", он признал диким вандализмом, не отвечающим классовым интересам пролетариата.

Можно ли после этого считать Каутского ортодоксом в области теории насилия? Конечно, нельзя. Он стал на путь открытой ревизии этой теории, на путь подмены ее своей „собственной" теорией, отвечающей интересам эксплоататоров. Эта теория несложна. Каутский признает правомерным только то насилие над капиталистами, которое не выходит из рамок парламентских средств борьбы.

Конечно честь открытия и провозглашения этой теории не принадлежит Каутскому. Его значительно опередил Эдуард Бернштейн, заявивший, что путь к полной политической свободе ведет „через парламент, а не вокруг него". В свете этих фактов становится совсем понятным, почему Каутский, выступая в прошлом против него, шел не к революционному марксизму, а к оппортунизму Бернштейна. В свете этих фактов становится также понятным, почему Ленин, отвечая на истерические выкрики и вой Каутского против „большевистского насилия", вынужден был разъяснять ему такие элементарные вещи, как отличие революционного насилия от реакционного.

„Социализм против насилия над нациями. Это бесспорно. Но социализм вообще против насилия над людьми. Однако, кроме христианских анархистов и толстовцев, никто еще не выводил отсюда, что социализм против революционного насилия. Значит, говорить о „насилии" вообще, без разбора условий, отличающих реакционное от революционного насилия,

значит быть мещанином, отрекающимся от революции, или это значит просто обманывать себя и других софистикой" (т. XXIII, изд. 2-е, 1930 г., с. 379).

Разумеется, и после разъяснений Ленина Каутский не перестал клеветать и лгать о большевистских методах работы, о революционном насилии. В многочисленных статьях и брошюрах он попрежнему, без разбора условий, твердит о „насилии вообще", о „незрелости" русского пролетариата, о „прыжках через естественное развитие", о „подтасовке марксистских основ" в России и т. д. и т. п. Более того, он взял на себя смелость поучать большевиков, как следует понимать диктатуру пролетариата, доказывая, что пролетариат больше всех заинтересован не в диктатуре, а в демократии, в парламентаризме.

Однако преподанный Каутскому урок не прошел даром. Не только рабочий класс нашей страны, но и все передовые отряды пролетариата Западной Европы с помощью критики Ленина увидали в настоящем свете „подлинный марксизм" Каутского. Ленинская критика сняла не только с Каутского тогу марксистской фразеологии, но и показала классовую сущность возвещаемой им демократии, ее буржуазный характер.

Но Каутский в своей борьбе против диктатуры пролетариата не одинок. Рядом с ним, не покладая рук, „работают" Макдональд, Вандервельде, Гильфердинг, Адлер, Бернштейн, Отто Бауэр, Оппенгеймер и др., выполняя и в области теории и практики социальный заказ классовых врагов пролетариата. По интересующему нас вопросу весь этот штаб „вождей", вся эта свора социал-оппортунистов и ревизионистов занимает в основном единую политическую позицию. Здесь будет вполне уместно вспомнить общий вывод Ленина, сделанный о бернштейнианцах еще в 1906 г., который остается правильным и по сей день не только в отношении Бернштейна, но и всех идеологов II Интернационала.

„Бернштейнианцы принимали и принимают марксизм за исключением его непосредственно революционной стороны", писал Ленин.—„Парламентскую борьбу они рассматривают не как одно из средств борьбы, пригодное особенно в определенные исторические периоды, а как главную и почти исключительную форму борьбы, делающую ненужным „насилие", „захваты", „диктатуру" (т. IX, изд. 2-е, с. 121).

Таким образом почти четверть века тому назад Ленин установил исключительно верный диагноз. В наши дни это справедливо не только в отношении бернштейнианцев, но и всех политических вождей и идеологов II Интернационала. Они сейчас не только открыто признают парламентаризм

исключительной формой классовой борьбы, но и видят в нем тот волшебный инструмент, который поднимает пролетариат на высшие ступени „духовной зрелости“ и превращает его в творца новой жизни. Они стоят не только на пути признания ненужности насилия, захватов, диктатуры, но и на пути прямой защиты классовых врагов пролетариата. И пожалуй больше всех ренегатов сделал в этом направлении Карл Каутский.

В эпоху загнивания капитализма, в эпоху разгула белого террора и произвола буржуазной юстиции этот идейный вожак социал-фашизма не нашел нужным сказать ничего другого о капиталистах, кроме превознесения полезности их „экономических функций в современном процессе производства“. Вот почему не случайно современная буржуазия открыла настежь все двери правительственных учреждений, особняков и клубов перед многочисленной социл-демократической партийной и профессиональной бюрократией. Вот почему не случайно в борьбе с коммунистическими партиями, с революционными рабочими и со страной диктатуры пролетариата она решила опереться на социал-демократическую „дубинку“. В ответ на организованное сопротивление рабочих она прибегает к самым варварским средствам принуждения и насилия. В целях наибольшей эксплоатации рабочего класса она использует и применяет в самых широких рамках последние завоевания науки и техники. С помощью войск, полицейских агентов и социал фашистских легионов она повсюду водворяет „промышленный мир“ и „порядок“.

„Буржуазия применяет все средства насилия и террора для охраны и укрепления своей хищнической собственности и своего политического господства. Буржуазия, как в прежнее время феодальное дворянство, не может уступить своего исторического места новому классу без самой отчаянной и самой бешеной борьбы Поэтому насилие буржуазии может быть сломлено только суровым насилием пролетариата“. Таков революционный вывод Коммунистического Интернационала. Он диаметрально противоположен началам „сотрудничества в области политики и экономики“, которые неустанно проповедуют социал-фашистские пифии. Этот боевой вывод показывает, что контраст между исторической ролью пролетариата в капиталистическом производстве и его положением в общественной жизни может быть устранен только суровым насилием.

Отсюда всякий „либерализм“, всякая система уступок и поблажек в отношении класса капиталистов и его прихвостней абсолютно противоречит духу революционного марксизма. Весь гигантский опыт классовой борьбы свидетельствует о том, что „без насилия по отношению к насильникам, имеющим в руках

орудия и органы власти", нельзя избавить трудящиеся массы от насильников, нельзя найти выход из классового общества к обществу бесклассовому. Именно поэтому максимальная гибкость тактики коммунистической партии отнюдь не исключает, а наоборот, требует в периоды ожесточенной классовой борьбы, принявшей форму гражданской войны, применения массового организованного террора против активных душителей пролетарской революции и социалистического строительства. Ибо революционный пролетариат может и должен сломить сопротивление классовых врагов, а этого он может достичь только организованной силой, только применением средств насилия и террора.

Всякое абсолютизирование и универсализирование тех или иных форм классовой борьбы, превращение их в средства борьбы, годные для всех эпох и всех этапов социалистической революции, есть полнейшее игнорирование методологических основ революционного марксизма.

ПОГАШЕНО

О МЕТОДАХ ГОСПОДСТВА БУРЖУАЗИИ

В классовой борьбе буржуазия стремится подавить и обезглавить революционное движение, она вырабатывает известные приемы и методы классового господства. Реализация этих приемов и методов находит свое выражение в целом ряде экономических, политических и других мероприятий. Тем не менее это не мешает нам распознавать основные методы буржуазного насилия, которые получают преимущественный характер в соответствующие этапы классовой борьбы.

„Буржуазия во всех странах неизбежно вырабатывает две системы управления,—писал Ленин,—два метода борьбы за свои интересы и отстаивание своего господства, причем эти два метода то сменяют друг друга, то переплетаются вместе в различных сочетаниях. Это, во-первых, метод насилия, метод отказа от всяких уступок рабочему движению, метод поддержки всех старых и отживших учреждений... Второй метод—метод „либерализма", шагов в сторону развития политических прав, в сторону реформ, уступок и т. д." (т. XV, изд. 2-е, с. 7).

Более 20 лет тому назад Ленин дал эти превосходные формулировки двух методов борьбы буржуазии за укрепление своего господства, и тем не менее эти формулировки в основном не утратили своего актуального значения. Это находит свое объяснение в том, что Ленин дал их на основе широчайшего анализа западноевропейского капитализма, на основе учета гигантского опыта классовой борьбы.

ПОГАШЕНО
ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
564960

Какова же современная обстановка в капиталистических странах и каковы ныне методы господства буржуазии?

Капитализм вступил в высшую и последнюю стадию своего развития—и м п е р и а л и з м. Во многих решающих отраслях производства образовались гигантские картели, синдикаты и концерны, занявшие монопольное положение на мировом рынке. Вместо единичных владельцев промышленных предприятий в большинстве случаев противостали рабочему классу акционерные общества, различные монополистические предприятия, вступившие с ним в еще более обостренную классовую борьбу. Вместо отдельных товаровладельцев, вступающих друг с другом в конкурентную борьбу, заняли господствующее положение на мировом рынке всевозможные монополистические объединения финансового капитала. Однако это отнюдь не привело к исчезновению конкуренции, к устранению анархии производства. Наоборот, в сфере экономической жизни выступили еще в более разрушительной форме присущие капиталистической системе противоречия.

Это означает, что марксистско-ленинский экономический анализ дал единственно правильную оценку эпохе господства финансового капитала. Он показал, что рост монополий отнюдь не означает уничтожения стихийности в капиталистическом обществе и замену ее плановостью. „Монополии,—писал Ленин,—вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов“ (т. XIX, изд. 2-е, с. 142).

Заметим, что Ленин отнюдь не допускает механического вытеснения конкуренции монополией. Наоборот, в основе соотношения между монополией и конкуренцией он видит диалектическое противоречие, окончательное уничтожение которого может обусловить только победа пролетариата в социалистической революции. Именно из этого анализа следует, что основное противоречие между общественным производством и частным капиталистическим присвоением не может быть разрешено никакими социал-демократическими панацеями, никакими формами мирного сотрудничества классов в рамках капиталистического общества, что это противоречие неизбежно приводит к нарушению устойчивости международных монопольных объединений, к потрясающим кризисам капиталистического хозяйства. Именно на основе этого анализа установлен закон неравномерного развития капитализма, который получил и получает с каждым новым днем все новые и новые подтверждения.

Достаточно указать на „загнивание“ сильнейших капиталистических стран, на неравномерность темпов развития реша-

ющих отраслей капиталистического хозяйства, на уменьшение циклов кризисов, на исполинский рост противоречий внутри капиталистических государств и между отдельными группами государств и ряд других фактов того же порядка, чтобы понять всю глубину, всю объективно-научную значимость марксистско-ленинского анализа современного монополистического капитализма.

Мало того, в свете именно этого анализа все социал-демократические иллюзии об упразднении противоречий внутри капиталистических стран, о контроле и регулировании цен и прибылей обнаружили свою фальшь и пустоту. Все правооппортунистические „доводы" в пользу теории „организованного капитализма" были биты самой жизнью.

Отсюда совершенно ясно, почему наша партия с такой непримиримой решительностью отвергла теорию „организованного капитализма". Она увидала, что именно из этой теории вытекают совершенно ошибочные взгляды т. Бухарина на характер экономической и политической стабилизации после военного капитализма, на классовую борьбу и т. д. Она увидала, что признания современного капитализма „организованным" „оздоровленным" превращают в конце концов методы господства буржуазии в якобы совершенно несокрушимые. Конечно дальше этой реакционной нелепости итти некуда.

Правда, эпоха финансового капитала изменила внешнюю сторону методов господства буржуазии, но реакционное классовое содержание последних осталось прежним. Вместо метода консервативного насилия системой охраны политического господства буржуазия провозгласила фашизм, эту открытую террористическую диктатуру крупного капитала. Вместо метода „либерализма" — метод коалиции с социал-демократией.

Но привлечение социал-демократии к участию в правительственной коалиции отнюдь не изменяет существа вопроса. Более того, это обеспечивает буржуазии еще более сильное давление на рабочий класс, ибо за время войны, и особенно после революции, социал-демократия бесповоротно отошла от тех скромных классовых позиций, которые она так или иначе занимала в довоенную эпоху. Ее реформистские организации, проявляя полную „сработанность" с полицией, превратились в прямую агентуру в рабочем классе. Они стали на путь фашистского перерождения, на путь открытой защиты господства финансового капитала.

Все участие реформистских организаций в государственной жизни приняло форму „делового сотрудничества" с буржуазией, форму систематической борьбы с революционным движением рабочего класса. Поэтому метод коалиции с социал-демократией не внес никакой принципиальной разницы в

систему классового господства буржуазии. А потому не случайно буржуазия в одинаковой мере использует оба эти метода для замедления поступательного хода революции, для защиты и охраны своего экономического и политического господства.

Вот почему в реальной действительности оба эти метода чаще всего образуют известный „переплет", известное единство. Правда, этот „переплет" методов отнюдь не исключает обособленного применения одного из них в той или иной капиталистической стране. Особенно теперь, в эпоху глубочайшего кризиса капиталистической системы, мы замечаем наибольший сдвиг в сторону фашизма. Буржуазия совершенно открыто начинает практиковать фашизм как метод классового насилия, как официальное выражение ее общебуржуазной политики.

СОЦИАЛ-ФАШИСТЫ—ГЛАВНАЯ ОПОРА КАПИТАЛИЗМА

Резкий сдвиг в сторону фашизации европейских стран мы наблюдаем в эпоху кризиса капиталистической системы. Сейчас, во время мирового экономического кризиса, очутившись перед фактом сужения рынков сбыта, снижения покупательной способности широких масс, перед фактом падения производственной мощи комбинатов, трестов и картелей, перед возрастающей революционной активностью рабочего класса на почве безработицы, полицейского террора, лишений и бедствий народных масс, буржуазия прибегает к методу неприкрытой защиты своего политического господства—к фашистскому насилию.

Каковы же характерные черты этого метода? „Этот метод,— говорит программа Коммунистического интернационала, — есть метод непосредственной диктатуры, идеологически прикрываемой „обще-национальной идеей" и представительством „профессий" (а по существу разнообразных групп господствующих классов), метод использования недовольства мелкобуржуазных интеллигентских и прочих масс путем своеобразной социальной демагогии (антисемитизм, частичные вылазки против ростовщического капитала, возмущение парламентской „говорильней") и коррупции в виде создания сплоченной и оплачиваемой иерархии фашистских дружин, партийного аппарата и чиновничества; при этом фашизм стремится проникнуть и в рабочую среду, вербуя наиболее отсталые слои рабочих, используя их недовольство, пассивность социал-демократии и т. д. Главной задачей фашизма является разгром революционного рабочего авангарда, т. е. коммунистических слоев пролетариата и их кадрового состава. Комбинация социальной демагогии, коррупции и активного белого террора наряду с

крайней империалистической агрессивностью в сфере внешней политики являются характерными чертами фашизма" („Программа и устав Коммунистического интернационала", Гиз, 1931, с. 42—43).

Такова форма современной империалистической реакции и таков социальный смысл фашистского насилия. Применяя его в современных условиях материального производства, буржуазия пытается замедлить поступательный ход пролетарской революции. За счет разгрома революционного рабочего авангарда она стремится обеспечить устойчивость своей политической власти и тем самым увековечить социальное рабство рабочего класса. Желая осуществить эту программу, буржуазия мобилизует все силы империалистической реакции, все средства материального и идейного классового воздействия. Она поручает организацию вооруженных фашистских банд, полицейской расправы и буржуазного „правосудия" своему вернейшему сотруднику — международному реформизму и социал-фашизму. Она поощряет теоретиков и вождей II Интернационала в борьбе против пролетарской диктатуры в СССР, против революционных профсоюзов и коммунистических партий.

Вот почему прав был т. Тельман, заявивший на пленуме ЦК КПГ, что, хотя сейчас главным врагом пролетариата в классовой борьбе является фашизм, основным препятствием для пролетарской революции является в лагере рабочего класса социал-демократическая партия. Вот почему самой неотложной, самой настоятельной задачей наших дней должна стать организация и концентрация революционных сил рабочего класса для сокрушительных ударов по социал-демократии. Мы должны вскрыть всю классовую сущность ее идеологии, всю реакционность и гнусность ревизионистского оправдания капитализма. Это необходимо сделать и потому, что социал-демократия, как показал процесс контрреволюционной организации меньшевиков, стала совершенно открыто в самой циничной позе на путь организации интервенционных и вредительских мероприятий в отношении СССР.

Каждый марксист-ленинец хорошо знает, что капитализм исключает всякую возможность мирного перехода к социалистическому способу производства. Он знает, что никакая „хозяйственная демократия", никакое „регулирование" капиталистического хозяйства не способны обеспечить пролетариату руководящую роль в процессе материального производства. У него нет и не может быть сомнений в том, что „империализм есть 1) монополистический капитализм, 2) паразитический или загнивающий капитализм, 3) умирающий капитализм", а, следовательно, ни о какой полезности и целесообразности

функций класса капиталистов на этом этапе не может быть и речи.

Однако то, что с негодованием отвергает марксист-ленинец, наоборот, составляет главную теоретическую и практическую установку идеологов II Интернационала. Пуская в ход „марксистские словечки", они стремятся убедить рабочий класс в том, что насильственное прекращение жизни капитализма не может служить историческим целям социализма, что именно сейчас в эпоху господства финансового капитала необходимо проводить в жизнь принцип „хозяйственной демократии", принцип организации силами концентрированного капитала „нового", „планомерного" общественного производства.

„Капитализм на своей высшей ступени новой организации хозяйства,—пишет Гильфердинг,—ставит проблему хозяйственной демократии. Если Энгельс назвал дело своей жизни и жизни Маркса прогрессом социализма от утопии к науке, то теперь речь идет о применении науки об обществе к организации общества. Это будет переход от научного социализма к конструктивному. Ясно, что установление хозяйственной демократии — колоссально сложная проблема, которая может быть осилена только в течение продолжительного исторического процесса: по мере организации хозяйства концентрированным капиталом оно вместе с тем все более подвергается демократическому контролю. Ибо если переход политической власти от одного класса к другому и может совершиться в сравнительно непродолжительном акте, т. е. революционным путем, то развитие экономики всегда происходит в длительной органической эволюции" (Гильфердинг, Капитализм, социализм и социал-демократия, 1928, с. 35—36).

Отсюда легко видно, куда пришли социал-демократы. Научный социализм Маркса и Энгельса в их глазах уже потерял всякий актуально политический смысл. Они пытаются навязать рабочему классу новое учение, имя которому—конструктивный социализм. Заметим, что это учение выдвигает в качестве основного принципа сотрудничество классов. Оно считает главным субъектом общества концентрированный капитал, который в лице своих представителей берет на себя задачу организации хозяйства на началах хозяйственной демократии. Оно указывает единственно возможный путь развития экономики—это путь „длительной органической эволюции" в направлении к широкой хозяйственной демократии.

Это—установка на сглаживание и притупление классовой борьбы. Она не оставляет места ни социалистической революции, ни диктатуре пролетариата. Она отдает рабочий класс во власть эксплоататоров и тунеядцев, оставляя за ним призрачное право демократического контроля. Наоборот, капита-

листический класс в свете конструктивного социализма превращается в организатора и полезного функционера современного общества.

Разве это не есть прямая, открытая защита капитализма? Разве это не есть абсолютное забвение исторической роли рабочего класса? Но социал-предателей, агентов фашизма настоящее положение вещей меньше всего беспокоит. Стоит только посмотреть на то поистине трогательное и заботливое отношение к судьбам капиталистов, которое они проявляют, чтобы понять весь социальный смысл идеологии теоретиков и вождей II Интернационала. „Во избежание недоразумений,— говорит Макдональд,—с самого же начала необходимо заметить, что социалисты отнюдь не занимаются нападками на отдельные личности. Критикуя капитализм или коммерциализм, они нисколько не осуждают капиталиста или коммерсанта как индивидуумов. Наоборот, они полагают, что капиталист является в такой же мере жертвой существующего строя, как и безработный, что он так же испытывает известный гнет, как и бедняк—гнет нищеты. Правда, результаты гнета не одни и те же, но в обоих случаях они—плоды одного и того же общественного уклада" („Социалистическое движение", Гиз, 1920, с. 5—6).

Эти взгляды поддерживает и Каутский. В оценке экономической роли капиталистов он не находит нужным сказать ничего другого, кроме признания полезности их функций в современном процессе производства. „Капиталистический класс не господствует, как военная знать (Kriegsadel),—пишет он,—которая обладала военным превосходством над массами, уступая последним далеко в численности. Капиталистический класс до сих пор господствовал благодаря его богатству и полезности экономических функций в современном процессе производства" („Die Materialistische Geschichtsauffassung", B. II, 1927, S. 474).

Политический смысл этих увещеваний таков. Каутский говорит рабочему: будь спокоен, капиталисты—свои люди. Не будем мешать им, ибо они занимаются творческой работой, организуя картели, синдикаты, концентрируя капиталы, они готовят богатейшее наследство рабочему классу. Они составляют то деятельное меньшинство, полезность экономических функций которого в современном процессе производства—бесспорна.

Однако социал-фашистская апология далеко не представлялась бы стройной, если бы мы упустили из виду чрезвычайно ревностное участие в ней „левого" Отто Бауэра. Это имя хорошо известно проповедью об экспроприации буржуазии в упорядоченной, регулированной форме, о „социализации" и т. п. и не только австрийскому пролетариату. Цену его „левой" словесности, его неутомимых предательских подвигов

знает и международный революционный пролетариат. Он совершенно открыто „исправляет“ и „обрабатывает“ Маркса в духе буржуазной „науки“. Австрийская буржуазия вполне справедливо гордится его заслугами в борьбе с коммунизмом. Но хитрый и ловкий филистер Бауэр не собирается остаться в долгу у нее. В социал-фашистском апологетическом хоре его голос звучит наиболее громко и лукаво.

„Крупная буржуазия, класс капиталистов, господствует, но не управляет“—заявляет он.

„Господство класса капиталистов в демократии не является как раз неограниченной диктатурой капиталистического класса“ („Kapitalsherrschaft in der Demokratie“, „Der Kampf“, 1928, S. 335—338).

Так „утешает“ рабочих Отто Бауэр. По его мнению, при демократии буржуазия как класс не опасна, так как ее господство лишено „управления“, а ее диктатура „ограничена“ демократией. Кто же не знает, что буржуазное и всякое иное классовое господство без управления—пустой звук. Разве в „трудные времена“ не руками правых и „левых“ социал-фашистов управляет класс капиталистов? Живой пример являет сам Отто Бауэр, который, как известно, был на посту министра иностранных дел в период австрийской революции 1918 и 1919 гг.

Ложно также и второе утверждение Бауэра. Вся социал-фашистская практика убеждает в том, что демократия не только „ограничивает“ диктатуру капиталистического класса, но и, наоборот, служит надежным средством для всемерного расширения и укрепления этой диктатуры. Спрашивается, чьим целям отвечает это бауэровское „утешение“. Ответ ясен. Здесь мы имеем дело с завуалированной защитой фашистской диктатуры буржуазии.

Впрочем, бездна предательств современной социал-демократии находит свое выражение не только в „левых“ и правых „ученых проповедях“ ее теоретиков, но и в ее официальной периодической прессе. Лучшей иллюстрацией служит для нас данная в 1918 г. в „Vorwärts“ похвальная аттестация Гуго Стиннесу. „Могучее организационное творчество, которое за последнее время развивает Гуго Стиннес,—писала газета,—и которая вырастает прямо-таки до грандиозных размеров, заставляет и врагов отнестись к нему с почтением. Хотя в распоряжении Стиннеса имеются капиталы каких угодно размеров, однако осуществляемая им концентрация требует творческой работы по нахождению новых форм для стягивания хозяйственных предприятий в более крупные единицы. Он приводит капитализм, как говорит Маркс, „в состояние куколки“. Не будем мешать ему в его работе. Быть может социалисты

будут его восхвалять как одного из своих величайших людей".

Вряд ли Стиннес мог рассчитывать на получение подобной аттестации от своих друзей из фашистского лагеря. И только „Vorwärts" превзошел в своем лакействе всех и вся. Он попытался забыть не только позицию Стиннеса в отношении денежной инфляции, но и то натравливание фашистов против „ноябрьских преступников", которое составляло предмет его занятий. Заявляя открыто о своем почтении к Стиннесу, о своей тесной солидарности с „творческой работой" магнатов капитала, социал-фашистская печать не переставала клеветать и лгать о Стране советов, содействуя и оправдывая интервенционные планы классового врага пролетариата. Это единство взглядов и замыслов находит свое объяснение в том, что современная социал-демократия перешла целиком и полностью на службу самой оголтелой фашистской реакции.

В тезисах XI пленума ИККИ дан блестящий анализ этого факта. Вот он: „1. Мировой экономический кризис вскрыл со всей ясностью роль международной социал-демократии как главной социальной опоры диктатуры буржуазии. На всех основных этапах развития классовой борьбы со времени мировой империалистической войны и возникновения пролетарской диктатуры социал-демократия была на стороне капитализма против рабочего класса. Она посылала миллионы пролетариев на империалистическую бойню под флагом „защиты отечества". Она помогала „своей" буржуазии проводить военную интервенцию в СССР в 1918 — 1920 гг. Она спасала капитализм от пролетарской революции непосредственно после войны (Германия, Австрия, Венгрия, Италия, Финляндия)... Она прилагает сейчас, в момент тягчайшего кризиса, все усилия, чтобы спасти капиталистическую систему эксплоатации и рабства от надвигающейся гибели.

2. Все развитие социал-демократии со времени войны и возникновения советской власти в СССР есть непрерывный процесс эволюции к фашизму".

Такова оценка современной общественно исторической роли международной социал-демократии. Вывод о том, что международная социал-демократия стала „главной социальной опорой диктатуры буржуазии", не требует никаких комментариев, так как ее контрреволюционная роль общеизвестна.

Однако социал-демократия пытается замести следы, скрыть свой позорный оппортунизм перед лицом трудящихся масс. Становясь под фашистские знамена, она лицемерно указывает рабочему классу на „русский большевизм", как на главного виновника в потрясении основ демократии, как на крупнейшее препятствие к росту экономического благосостояния Европы.

И пожалуй усерднее всех буржуазных теоретиков ориентирует рабочий класс именно в таком направлении Карл Каутский. В книге „Большевизм в тупике", недавно переведенной меньшевиками на русский язык, он прямо заявляет:

„На пути ко всему... благодетельному развитию стоит непроходимая каменная громада большевизма. Убрать большевизм с дороги и заместить его демократией—значит открыть путь к расцвету не только России, но и всей Европы". В другом месте, подобно белоэмигрантам преисполненный жгучей ненавистью к Советам, Каутский вопит: „Советский строй превратился в проклятие для всего русского народа и для пролетариата всех стран".

Спрашивается, разве этот язык хоть сколько-нибудь отличается от контрреволюционных воплей классового врага. Достаточно самого поверхностного сравнения каутскианского вопля с агитацией классового врага против коммунизма, чтобы установить между ними полную аналогию, полное тождество взглядов. „Свержение коммунизма в России,—писал В. Рябушинский,—великий нравственный подвиг и моральная обязанность человечества, но даже если стать на сухую, бездушную, чисто деловую точку зрения, „добру и злу внимая равнодушно", то и тогда можно утверждать следующее: нет в мире предприятия, которое было бы хозяйственно более оправдываемым, более рентабельным, чем освобождение России" („Возрождение" № 1061, 1930 г.).

Или например выступление Паункаре-война во французской газете „Эксцельсиор" в конце 1930 г. „В замечательной статье, опубликованной „Журналь-де-Деба",—писал он,—Огюст Говен на этих днях разоблачал некоторые маневры Советов и резко называл московских людей фанатическими бандитами. Бандиты—это было бы пустяки, ибо если бы они были только бандитами, они могли бы рано или поздно раскаяться и тогда для них было бы больше радости на небе и даже на земле, чем для праведников. Но фанатики—это неизличимое зло, против которого нет иного средства, как преградить дорогу заразе".

Эта бешеная злоба классового врага нам вполне понятна. Буржуазия стремится к тому, чтобы разгромить революционное движение пролетариата, „преодолеть" классовые противоречия внутри капиталистических стран и увековечить диктатуру финансового капитала. Но помехой на пути к этому стоит „каменная громада большевизма", которая вышвырнула за свои рубежи помещиков, фабрикантов, банкиров, лакеев и прихвостней капитала. Более того, эта мировая цитадель большевизма стала на путь ускорения темпов социалистического строительства, на путь самого всестороннего разоблачения всех замы-

слов и планов, направленных к подготовке антисоветской интервенции и империалистических войн.

Отсюда понятен не только бешеный гнев Пуанкаре, Рябушинских и др., но и лицемерный вопль идеологов II Интернационала. Они поняли, что гигантский рост промышленности и коллективизации сельского хозяйства снял с порядка дня всякую возможность мирной реставрации капиталистического строя в нашей стране. Успех СССР нанес сокрушительный удар всем мелкобуржуазным оппортунистическим иллюзиям, он поставил международный пролетариат перед фактом реального преимущества советской системы.

Не желая потерять политический кредит в глазах буржуазии, социал-лакеи подняли неистовый рев и вой против Советов, против „неумолимых ужасов диктатуры". Они пустили в ход все рычаги агитационного и политического значения, стремясь ошельмовать, оплевать и унизить величайшие задачи социалистической революции. Наше развитие вперед—к коммунизму, наш процесс социалистического строительства они провозгласили самой реакционной утопией, невиданным насилием над трудящимися массами. Нашу форму организации государственной власти, наше преодоление капиталистических элементов они покрыли социал-фашистской завесой клеветы и лжи.

Ловкостью своих рук они пытаются превратить Маркса и Энгельса в защитников парламентских форм борьбы, в сторонников мирного перехода от капитализма к социализму. Их идеи о диктатуре пролетариата, о насильственном характере пролетарской революции они ложно истолковывают как „устаревшие" взгляды, якобы пересмотренные ими под конец жизни. Мало того, вожди социал-демократии не гнушаются никакими способами и приемами в отношении ценнейших рукописей и писем Маркса и Энгельса. В целях оправдания своей оппортунистической практики они подвергают произвольной обработке, сокращению и скрытию всего того, что особенно резко противоречит их социал-фашистским взглядам.

Достаточно указать на преступное сокращение и выхолащивание „Введения" Энгельса к „Классовой борьбе во Франции" или на продолжительное скрытие критики Эрфуртской программы, нашедшей место в письме Энгельса к Каутскому, чтобы понять, кому служат они и чьи олицетворяют классовые интересы. Можно прямо сказать, что современная социал-демократия превратилась в главного поставщика реакционно-буржуазных идей в рабочем классе.

Нельзя обойти молчанием вреднейшую и позорнейшую роль ее „левого" крыла (Отто Бауэр, Мекстон, Жиромский и др.), являющегося наиболее опасным орудием в руках международной буржуазии. Ибо лицемерие и демагогические маневры

„левых" порой оказывают на рабочий класс весьма деморализующее влияние. Поэтому мы должны самым решительным образом высвобождать рабочих из-под их влияния, срывать „левые" маски, обнажать перед рабочим классом предательские лица социал-фашистов. Их „оппозиция" в отношении фашисткой политики правых—это грубейший обман рабочих, так как глубоких действительных политических и тактических разногласий с правыми у них нет.

Весь послевоенный опыт революционной борьбы пролетариата неопровержимо удостоверяет, что за „левыми" фразами социал-демократов неизбежно следуют самые гнусные правые дела. Этот обман служит им средством для удержания социал-демократических рабочих от перехода на позиции революционной классовой борьбы. Он способствует выгораживанию социал-демократических партий и реформистских профсоюзов от революционной ответственности перед рабочим классом. Посредством „левых" маневров и ухищрений социал-демократия оказывает широкую помощь магнатам капитала в их борьбе за снижение жизненного уровня рабочего класса и укрепление диктатуры.

Вот почему XI пленум ИККИ, оперируя целым рядом неопровержимых фактов, подчеркнул сугубо контрреволюционное значение „левых" демагогических маневров международной социал-демократии. „Под давлением растущего недовольства и начинающегося массового отхода рабочих, — заявил он, — социал-демократия, обнаружившая свое бессилие перед лицом кризиса и безработицы, вынуждена для обмана масс прибегать к „левым" демагогическим маневрам, лицемерно выступая на словах за сокращение рабочего дня и пятидневную рабочую неделю, за расширение социального страхования, за разоружение, за борьбу против фашизма. На деле социал-демократия этими маневрами помогает капиталу осуществить его наступление на жизненный уровень рабочего класса, укрепить свою диктатуру, ускорить фашизацию буржуазного государства, подавить сопротивление масс фашизму, задержать стихийную тягу широчайших рабочих масс к единому фронту, прикрыть подготовку войны против СССР.

Все эти и подобные им факты наглядно вскрывают контрреволюционную роль международной социал-демократии как главной социальной опоры буржуазии в ее борьбе с пролетариатом.

Поэтому разоблачение социал-демократии, разоблачение II Интернационала, высвобождение рабочих масс из-под влияния социал-демократии есть очередная задача коммунистических партий, без разрешения которой невозможна успешная борьба пролетариата за свое освобождение от цепей капитализма".

Такова исключительно правильная и глубокая оценка политической и социальной роли международной социал-демократии и таковы очередные задачи. Разумеется, XI пленум ИККИ совершенно не случайно в своих решениях отвел главнейшее место работе по разоблачению „левых“ маневров социал-демократии. Именно с помощью этих маневров она на деле стремится ускорить и углубить процесс фашизации буржуазного государства, чтобы сделать совершенно невозможной широкую революционную работу коммунистических партий и Коминтерна. В этих целях она повсюду прокламирует необходимость активизации антибольшевистских сил, поощряет фашистские преследования и угрозы против компартий и против всех тех, кто углубляет и революционизирует в духе ленинизма и революционного марксизма классовое сознание пролетариата. В этих же целях ее „признанные“ вожди в своих печатных и устных выступлениях извращают самым преступных образом вопрос о государстве и о диктатуре пролетариата. Они стремятся доказать, что диктатура пролетариата не есть государственное понятие, что „существование диктатуры в качестве нормального государственного состояния является доказательством большой слабости пролетариата“. Больше того, по их мнению, это—признак того, что в этой стране пролетариат „неспособен заменить капиталистическое производство социалистическим“.

Вся эта „ученейшая“ версия опрокинута самой действительностью. Именно в условиях диктатуры пролетариата рабочий класс единственного в мире пролетарского государства вырос в несокрушимую, могущественную силу мировой революции. Величайшие успехи и достижения в деле социалистического строительства и реконструкции народного хозяйства также обеспечены крепостью и „нормальным состоянием“ диктатуры пролетариата.

ГОСУДАРСТВО И СОЦИАЛ-ФАШИЗМ

Ленин учил, что диктатура пролетариата представляет собой государственную „революционно-смелую“, „железную власть“. Всемирно-историческим примером и образцом этой власти является наше пролетарское государство. Оно призвано подавлять сопротивление эксплоататоров, руководить основными массами крестьянства, организовать социалистическое хозяйство и гарантировать защиту социалистического отечества мирового пролетариата от империалистических посягательств извне.

Классовая природа пролетарского государства диаметрально противоположна природе всякого буржуазного государства.

В нашем государстве рабочему классу и его партии принадлежит руководство социалистическим строительством и всей политической жизнью страны. Они приводят в действие, в плановое движение все рычаги народного хозяйства, всю культуру и науку „в целях подавления буржуазии, уничтожения эксплоатации человека человеком и осуществления коммунизма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти". Они привлекают к активному участию в управлении государством широчайшие колхозные массы, подымают их на уровень сознательной политической жизни, пробуждают в них стремление и волю к социалистическому переустройству всех материальных основ их жизни и деятельности.

Указание Ленина о том, что „мы имеем рабочее государство, во-первых, с той особенностью, что в стране преобладает не рабочее, а крестьянское население; и, во-вторых, рабочее государство с бюрократическим извращением" (т. XXVI, изд. 2-е, с. 91), целиком и полностью сохраняет свое значение и в наши дни. Ибо вопрос о природе советского государства не есть дискуссионный вопрос. Это есть вопрос о власти рабочего класса, о его диктатуре. Что же касается признания бюрократических извращений в нашем государственном аппарате, это есть признание унаследованных от прошлого недостатков и язв, с которыми пролетарская общественность ведет решительную борьбу.

В капиталистическом обществе у власти находится буржуазия. Она располагает своей государственной организацией в интересах охраны капиталистических условий производства и распределения, а также для подавления угнетенного класса Отличительной чертой ее государства является то, что оно представляет диктатуру меньшинства эксплоататоров над большинством—трудящихся, что оно закрепляет и поощряет развитие капиталистического типа производственных отношений, что оно выступает в качестве машины угнетения капиталистами трудящихся масс. „Всякое государство,—говорит Ленин,—в котором есть частная собственность на землю и на средства производства, где господствует капитал, как бы демократично оно ни было, оно есть государство капиталистическое, оно есть та машина в руках капиталистов, чтобы держать в подчинении рабочий класс и беднейшее крестьянство".

Таков единственно правильный взгляд на современное буржуазное государство, который вопреки буржуазным теориям показывает фактическое положение вещей. Ибо какое бы мы ни взяли буржуазное государство, будь то английская конституционная монархия с королем Георгом V во главе, или „свободная" германская республика, во главе с Гинденбургом и

Брюнингом, или демократические САСШ, во главе с Гувером и т. д. и т. п.—по Ленину „суть их одна: все эти государства являются так или иначе, но в последнем счете обязательно диктатурой буржуазии“ (т. XXI, изд. 2-е, с. 393). То же самое можно сказать и о государствах, относящихся к более ранним социально-экономическим формациям: рабовладельческое государство было диктатурой рабовладельцев, феодальное — диктатурой помещиков. Такова логика фактов.

Однако буржуазные государствоведы пытаются оспорить и отвергнуть наши взгляды. Правда, в их лагере с давних пор царит разноголосица, теоретический разброд. Но можно безошибочно сказать, что признается почти всеми буржуазными государствоведами абсолютная необходимость государства для всякого общества. Расходясь во взглядах о происхождении государства, о его правах и обязанностях, в определениях государства и других вопросах государствоведения, они тем не менее выступают единым фронтом против марксистско-ленинской теории классов и государства.

Мысль о том, что образование классов связано с возникновением частной собственности, экономического неравенства, квалифицируется буржуазными государствоведами как своеобразный теоретический дальтонизм, как совершенно фатальное стремление превратить современное государство в арену открытой классовой борьбы. Наши указания на теснейшую связь, существующую между государством и классовой эксплоатацией, считаются абсолютно необоснованной „анархической“ фразой. Они утверждают, что государство стоит выше антагонизма классов, что его специфической задачей является монопольная защита того общественного правопорядка, который ведет к установлению между людьми солидарности и общности интересов. Они провозглашают основной идеей государства, его родовой сущностью „момент общения“, „союзности“, территорию, правоотношение и т. п., старательно затушевывая его классовое происхождение и роль, его угнетательские функции. Но эта игра в абстрактные, внеклассовые определения способна вызвать у нас одно лишь презрение. Правота марксистско-ленинских взглядов неоспорима. Ибо на наших глазах революционный ход борьбы классов с несокрушимой силой отметает прочь теоретические построения буржуазных и мелкобуржуазных социологов.

„Государство, — говорит Энгельс, — отнюдь не является силой, извне навязанной обществу; столь же мало представляет оно собой „действительность нравственной идеи“, „образ и действительность разума“, как утверждает Гегель. Оно представляет собою продукт общества на определенной сту-

пени его развития; оно служит признанием того, что это общество запуталось в неразрешимом противоречии с самим собою, что оно раздираемо непримиримыми противоречиями, которые оно бессильно устранить. Но для того, чтобы эти противоречия, классы с враждебными экономическими интересами не уничтожили себя и общество в бесплодной борьбе, понадобилась сила, стоящая по видимости над обществом и способная смягчать столкновения, удерживать их в пределах „порядка"; и такой силой, вышедшей из общества, но ставящей себя над ним, все более и более обособляющейся от него, является государство". („Происхождение семьи, частной собственности и государства" изд. „Москов. рабоч.", 1922, с. 113).

То же самое подчеркивает и Ленин в своей лекции о государстве, прочитанной 11 июля 1919 г. в Свердловском университете. „История показывает,—говорил он,—что государство как особый аппарат принуждения людей возникало только там и тогда, где появилось разделение общества на классы—значит, разделение на такие группы людей, из которых одни постоянно могут присваивать труд других, где один эксплоатирует другого".

Государство „всегда было известным аппаратом, который выделялся из общества и состоял из группы людей, занимавшихся только тем и почти только тем, или главным образом тем, чтобы управлять... Этот аппарат, эта группа людей, которые управляют другими, всегда забирают в свои руки аппарат принуждения физической силой,—все равно, выражается ли это насилие над людьми в первобытной дубине, или в эпоху рабства в более усовершенствованном типе вооружения, или в огнестрельном оружии, которое в средние века появилось, или наконец в современном, которое в XX в. достигло технических чудес и целиком основано на последних чудесах современной техники...

Государство—это есть машина для поддержания господства одного класса над другим".

Разумеется, такой взгляд на государство совершенно чужд и враждебен духу буржуазного государствоведения. Он вызывает целый ряд возражений и нападок. И это вполне понятно. Устами своих теоретиков и политиков буржуазия стремится обеспечить свободное пользование собственностью, стремится увековечить условия капиталистической эксплоатации рабочих. А этого нельзя достичь в современных условиях без оправдания и защиты общественного „порядка", без теоретических обоснований буржуазного права, морали, религии и государства. Вот почему буржуазия при непосредственном участии реформистов и социал-фашистов сеет иллюзии и фикции о

примирении и притуплении классовых противоречий, об автономности и суверенности государственной власти, в силу которых она якобы обладает исключительной способностью к правовому самоопределению и самообязыванию. Вот почему, опираясь на ревизионистские теории государства, она пытается отвергнуть бесспорные и объективно научные доводы Маркса и Энгельса.

Но знаменитое положение Маркса, гласящее, что „современная государственная власть есть не что иное как комитет, заведующий общественными делами буржуазии", и ряд других позднейших высказываний о природе буржуазной власти и государства, вытекших из глубокого анализа исторического процесса, вскрывают решительным образом весь классово-угнетательский механизм современной государственной власти, показывают, что этот фетиш является орудием насилия трудящихся, и тем самым лишают всякого кредита буржуазные теории государства. И так обстоит дело во всех областях научного познания, всюду побеждает революционный марксизм, ибо „буржуазная общественная теория,—говорит Р. Люксембург,—может везде противопоставить теории Маркса только отсутствие всякой теории". Это абсолютно верно [1].

Однако необходимо заметить, что фетишизирование буржуазной государственной власти и права проистекает из вполне реальных оснований. Буржуазное метафизическое мышление неизбежно абсолютизирует и универсализирует политическую и правовую идеологию. В его рамки не укладывается понятие об исторической порождаемости идей, всецело обусловливаемых изменением условий материального производства. Стремясь укрепить капиталистический способ производства, буржуазия свой классовый интерес выдает за всеобщий, за интерес всего общества в целом. А потому всякую попытку к революционному изменению исторически возникших условий буржуазного производства она расценивает как покушение на общечеловеческие устои, на вечные права и обязанности каждого индивидуума. Именно на этом основании, обращаясь к буржуазным идеологам, Маркс и Энгельс возражали в „Коммунистическом манифесте":

---

1 Следует указать, что Р. Люксембург по целому ряду вопросов марксистской теории и тактики примыкала к международному оппортунизму. Она защищала меньшевистскую трактовку перманентной революции, занимала ошибочную позицию в теории накопления капитала, по национальному, крестьянскому и другим вопросам. Поэтому совершенно не случайно современный социал-фашизм цепляется за ошибки Розы Люксембург, превращая их в средства борьбы против международного большевизма (см. соч. Ленина, т. XXVII, изд. 3-е, стр. 204, письмо т. Сталина в редакцию „Пролетарская революция" № 6, 1931 г. и доклад т. Кагановича ко дню 10-го юбилея ИКП).

„Не спорьте же с нами, оценивая уничтожение буржуазной собственности с точки зрения ваших буржуазных понятий о свободе, об образовании, праве и т. д. Ваши идеи сами порождены буржуазными условиями производства и собственности, точно так же как ваше право есть только возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями существования вашего класса".

Это возражение не оставляет камня на камне от буржуазных доводов о всеобщности и общезначимости законов и свобод капиталистического общества. Оно показывает, что обладание и распоряжение средствами производства неизбежно превращает мысли и идеи буржуазии в господствующую силу. Отсюда прокламирование и преклонение буржуазии перед конституционно-либеральными принципами, перед парламентаризмом и демократией по существу есть преклонение и превознесение ею своего собственного политического господства. В свете такого решения становится чрезвычайно ясен и понятен весь глубочайший смысл указаний Ленина о сути буржуазного парламентаризма. Это возведение в вечный закон природы и разума государства, права, морали и т. д. представляет собой утонченное и замаскированное оправдание классовой эксплоатации, оправдание и защита капиталистического способа производства.

В эпоху господства финансового капитала это оправдание теряет всякую убедительность. Кто не знает, что именно теперь классовый характер буржуазной власти выступает в еще более вскрытой, в более обнаженной форме, чем это было прежде? Разве не вчерашние руководители крупнейших синдикатов, картелей и трестов стоят во главе буржуазных правительств? Разве Гувер, Меллон, Юз, Болдуин, Ламонд, Чемберлен, Биркенхед и сотни других деятелей буржуазных правительств не состояли в прошлом и не состоят сегодня во главе капиталистических монополий? Разве привлечение к власти вождей социал-демократии изменяет сущность буржуазного парламентаризма? Теперь всякий знает, что обычной атмосферой парламентской жизни буржуазного государства стал политический шантаж, подкуп избирателя, продажа голосов, злоупотребление и различные панамы и аферы. Каждый передовой рабочий знает, что под флагом демократии, под флагом реформистских и социал-фашистских клятв и заверений в верности марксизму во всей Европе начат реакционный поход против революционного пролетариата, что именно в недрах демократии вызревает кровавый режим фашистской диктатуры.

Уже в 1884 г. Энгельс—друг и соратник Маркса—видел в демократической республике последнюю форму политического

господства буржуазии, при которой государственная власть направляет свое реакционное оружие главным образом против пролетариата.

„Не надо забывать,—писал он Бернштейну,—что последовательной формой господства буржуазии является именно демократическая республика, которая только при наличии уже развившегося пролетариата становится опасной, но, как показывает пример Франции и Америки, все еще возможна как простое господство буржуазии. „Принцип" либерализма, как „определенный исторический принцип", в сущности, собственно только непоследовательность. Либеральная конституционная монархия является соответствующей формой господства буржуазии: 1) в начале, когда буржуазия еще не вполне расправилась с абсолютной монархией и 2) в конце, когда пролетариат делает уже слишком опасной демократическую республику. И тем не менее демократическая республика всегда остается последней формой господства буржуазии: той формой, в которой она погибает" („Архив", т. I, с. 356).

Этот чрезвычайно важный вывод о реакционной роли демократической республики в эпоху „развившегося пролетариата" политиками и теоретиками II Интернационала предан глубочайшему забвению. Однако его нельзя не поставить в логическую связь с ранее данной Марксом и Энгельсом отрицательной оценкой „производственной деятельности" буржуазии. Уже в 40-х и особенно в 70-х годах прошлого столетия они дали вполне определенные указания на то, что производительные силы достигли той степени развития, при которой последние все более и более перерастают руководство буржуазии. К тому же необходимо прибавить, что это было время, когда финансовый капитал не играл решающей роли в экономической жизни буржуазного общества. И тем не менее Энгельс находил вполне возможным сравнить „производственную деятельность" тогдашней буржуазии с реакционной ролью дворянства 1789 г., называя ее „классом, только получающим доходы".

Разумеется, это далеко не то, что проповедуют идеологи и вожди II Интернационала. Каутский прямо заявляет, что современная стадия развития капитализма еще не снимает вопроса о полезности буржуазии как класса в современном процессе производства. Ту же позицию занимают и Гильфердинг, и Кунов, и ряд других реформистов и социал-фашистов. В лице крупнейших индустриалов и финансистов они склонны видеть „благодетелей человечества", ибо полагают, что осуществляемая ими централизация и концентрация капиталов содействует развитию всего современного общества. Что буржуазия еще может оставаться господствующим классом, так как ее деятель-

ность не лишена разумного экономического смысла: она не мешает, а содействует развитию производительных сил общества. Поэтому и исторически сложившаяся форма государственной власти и господства буржуазии—демократическая республика—не нуждается в уничтожении, наоборот, она служит делу социального прогресса.

Конечно такой взгляд не имеет ничего общего с великим учением Маркса об освободительном движении рабочего класса. Маркс никогда не упускал из виду другую сторону этого процесса. Он видел, что централизация капитала и обобществление труда неизбежно влекут за собой обострение борьбы классов и создают новые формы классовой борьбы, что этот процесс увеличивает рост „массы нищеты, гнета, порабощения, вырождения и эксплоатации" трудящихся. Он ни на минуту не допускал той мысли, что магнаты капитала могут мирно, без сопротивления отдать все рычаги народнохозяйственной и политической жизни трудящемуся большинству. Наоборот, Маркс считал, что „народной массе предстоит экспроприировать немногих узурпаторов", что рабочий класс должен в форме диктатуры возглавить единственно справедливую, неизбежную борьбу за освобождение всего человечества от капиталистического рабства.

Маркс и Энгельс прекрасно также понимали, что „узурпаторы" в борьбе против рабочего класса максимально использовали и будут впредь использовать военно-бюрократическую государственную машину. Поэтому они самым решительным образом, и особенно после опыта Парижской коммуны, настаивали на необходимости „разрушения", „слома" этого орудия угнетения трудящихся. Правильность этих взглядов не подлежит никакому сомнению — в их основе лежит громаднейший исторический опыт крупнейших европейских революций. Только исходя из всестороннего анализа этого революционного опыта, Маркс, Энгельс и Ленин делали свои неопровержимые заключения об отношении пролетариата к буржуазной государственной машине.

„Все перевороты,—писал Маркс в „18 Брюмера Луи Бонапарта",—только усовершенствовали эту машину, вместо того чтобы сломать ее". Через 19 лет, под влиянием героической борьбы французского пролетариата, Маркс снова возвращается к той же мысли. „По моему мнению,—писал он Кугельману,—ближайший подъем французской революции будет попыткой не передать бюрократически-военную машину из одних рук в другие, как это бывало до сих пор, а разрушить эту машину. Именно таково предварительное условие всякой действительно народной революции на континенте" („Письма Маркса и Энгельса", изд. 1928, с. 261). Наконец в „Адресе

генерального совета международного товарищества рабочих от 30 мая 1871 г." и в „Предисловии" к „Коммунистическому манифесту" от 24 июня 1872 г., подписанному совместно Марксом и Энгельсом, мы снова встречаем решительное подчеркивание необходимости разрушения буржуазной военно-бюрократической государственной машины. В качестве единственно возможной политической формы государства пролетариата они выдвигали Парижскую коммуну. В ее лице они видели не возрождение буржуазного парламентаризма, а замену его действительно новой, отвечающей интересам большинства трудящихся „деловой коллегией, соединявшей в себе как исполнительную, так и законодательную власть". В лице ее они видели тот будущий тип государственной власти рабочего класса, который в результате победы пролетарской революции придет на смену „государству—паразиту, питающемуся соками общества и мешающему ему свободно двигаться".

Этот глубочайший прогноз оправдал себя целиком и полностью: его объективной истиной стала наша Советская республика. Величайшая честь в реализации прогноза Маркса принадлежит Ленину и его партии. Неся в своих руках знамя революционного марксизма, они привели рабочий класс к победе над самодержавно-полицейским и буржуазно-демократическим строем, над всеми скрытыми и открытыми врагами коммунизма. Под руководством ленинской партии рабочий класс разбил самодержавно-полицейскую машину и несмотря на зловещие нарекания Каутских и Вандервельдов, на основе широчайшего творчества трудящихся масс создал советы—органы пролетарского государства.

„Разбить эту машину, — писал накануне Октябрьской революции Ленин, — сломать ее — таков действительный интерес „народа", большинства его рабочих и большинства крестьян, таково „предварительное условие" свободного союза беднейших крестьян с пролетариями, а без такого союза непрочна демократия и невозможно социалистическое преобразование" (т. XXI, изд. 2-е, с. 396).

Таким образом Ленин не просто повторил Маркса, но внес в учение о государстве совершенно новые стороны. Суть этих сторон, по мнению т. Сталина, заключается в следующем: 1) открытие советской власти как государственной формы диктатуры пролетариата, 2) раскрытие скобок в формуле диктатуры пролетариата посредством решения проблемы о союзе с основными массами крестьянства, 3) указания, что диктатура пролетариата в отличие от буржуазной демократии выступает в качестве высшего типа демократии советского государства и 4) обоснование возможности построения полного

социалистического общества в стране диктатуры пролетариата, окруженной империалистическими государствами.

Ленин разработал целый ряд важнейших проблем социалистической революции. В его сознании, как в фокусе, преломились все революционные стремления нашей эпохи. Он вскрыл и всесторонне исследовал внутреннюю природу империализма, выработал тактику гражданской войны, установил закон неравномерного развития капитализма, истолковал право на самоопределение наций и наконец поставил вопрос о колониальных народах одним из основных в звено социалистической революции.

Гениальность Ленина заключается главным образом в том, что он мастерски умел схватывать не только основные закономерности, но и всю совокупность частностей, конкретных условий, переходов и нюансов классовой борьбы. В отличие от Плеханова он воспринял марксистское учение о классовой борьбе не как „догму", а как руководство к действию, как учение о диалектическом превращении низших форм классовой борьбы в высшие формы и поднял это учение на новую высшую ступень Он увидел в нем тот мощный таран, при помощи которого пролетариат сможет, в боях за коммунизм, разрушить все вековые крепости угнетения и человеческого рабства.

Как далеки от Ленина жалкие филистеры и социал-предатели из лагеря II Интернационала! Они не поняли в учении Маркса о классовой борьбе самого главного, основного. Но это непонимание не есть только плод субъективных заблуждений, и не в этом вся суть извращений марксизма. Дело в том, что II Интернационал в лице его теоретиков и вождей предал рабочий класс в эпоху назревших гигантских классовых боев. Каутский, Вандервельде, Гильфердинг и др. самым позорным образом скатились к социал-империализму и социал-шовинизму. „Когда история Европы, — писал Ленин в 1917 г.,—подвела рабочий класс практически к данному вопросу (диктатуре пролетариата.—*А. Д.*), то не только все оппортунисты и реформисты, но и все „каутскианцы" (колеблющиеся между реформизмом и марксизмом люди) оказались жалкими филистерами и мелкобуржуазными демократами, отрицающими диктатуру пролетариата" (т. XXI, изд. 2-е, с. 392).

Таким образом грубейшее опошление революционного марксизма не является содержанием только послевоенной истории II Интернационала. Весь предвоенный период, отделяющий Ленина от исторической деятельности Маркса—Энгельса, как известно, протекал под знаком превращения оппортунизма в социал-шовинизм, под знаком „безраздельного господства оппортунизма II Интернационала" (Сталин, Вопросы лени-

низма, 1930 г., с. 7). Именно поэтому задолго до империалистической войны Ленин и большевики неизбежно должны были начать непримиримую борьбу с центризмом, представлявшим собой главное русло оппортунизма II Интернационала. В качестве прямого подтверждения мы имеем работы Ленина, написанные ранее „Государства и революции"; так например статья Ленина „Мертвое ликвидаторство и живая речь", „О письме Каутского", „О нарушении единства, прикрываемого криками о единстве" и др.

Предвоенный период оппортунизма II Интернационала по сравнению с современным периодом фашизации социал-демократии представлял собою постепенное, систематическое сползание с классовых позиций революционного пролетариата. Смещение социальной базы—опоры социал-демократии—выразилось в ориентации на рабочую аристократию и перерастание тактического блока с мелкой буржуазией в ее прочную социальную опору. Но со времени империалистической войны 1914—1918 гг. процесс грубейшего опошления марксизма в лагере II Интернационала принял еще более открытый, антипролетарский характер. В его лагере произошла полная консолидация рядов, вожди и идеологи социал-демократии вступили в заговор с капиталистами против разгорающейся социалистической революции, стали совершенно открыто на путь фальсификации марксизма и интерпретации его в духе буржуазных социологов. Они отбросили прочь теорию „разрушения", „слома" буржуазной государственной машины, извратили самым преступным образом учение о классовой борьбе, о государстве, а вопрос о диктатуре пролетариата свели к случайно брошенному „словечку". Они отказались признать необходимость насильственного свержения господства буржуазии, необходимость диктатуры пролетариата как переходной формы государства. Они отказались и на словах и на деле от осуществления исторических задач пролетариата, отвечающих интересам огромного большинства трудящихся. Наоборот, они провозгласили общей волей масс интересы капиталистической буржуазии, интересы кучки крупных собственников. Вся их деятельность, коротко говоря, может быть резюмирована как сплошной обман масс, как извращение теории общественного развития в угоду гибнущей буржуазии.

Пожалуй на этом деле с большим основанием заслужил пальму первенства Карл Каутский. По таким важнейшим вопросам, какими являются вопросы о классах [1], о государстве,

[1] Так например в своем последнем, „солидном" труде Каутский заявил, что происхождение первых классов и государств „может быть сведено к завоевателям, поскольку вообще доступно познанию это происхождение, или поскольку оно оставило следы, по которым можно умозаключить о нем („Die materialistische Geschichtsauffassung", B. II, S. 94). Следовательно, по

о диктатуре пролетариата, он перешагнул за все существующие грани теоретических извращений марксизма. Вот новейшие образцы его суждений о современном буржуазном государстве, которые он считает не расходящимися со взглядами Маркса и Энгельса. „Теперь,—пишет он в „Материалистическом понимании истории", — государство получает все более функций, которые имеют важное значение также и для эксплоатируемых, функций, которые удовлетворительно могут быть выполнены только государственным аппаратом. Теперь даже эксплоатируемые все меньше думают о том, чтобы разрушить государство, а скорее о том, чтобы завладеть государственной властью и поставить ее себе на службу" (B. II, S. 459). В другом месте той же работы мы читаем: „Государственный аппарат начинает теперь в известных условиях обращаться против эксплоатирующих классов, действовать таким образом как раз обратно тому, что было раньше. Он начинает становиться из орудия подавления орудием освобождения угнетенных" (B. II, S. 598).

Такую оценку дает Каутский современному буржуазному государству. Разумеется, в этой оценке нет ни грана марксизма. По мнению Каутского, нынешние буржуазные государства значительно изменились, причем основную причину их изменения он видит в ошеломительных успехах демократии, в получении „полного равенства прав всеми взрослыми членами общества". Но реальная ценность буржуазной демократии нам хорошо известна. Эта демократия, как любил повторять Ленин, „для богатых", для денежного мешка. Трудящимся массам она фактически ничего не дает.

Бесспорно Каутский прав в том смысле, что государство изменяется, развивается. Однако это еще не решает вопроса. Но как? Идет ли речь о развитии как единстве противоположностей или как об увеличении „побед" парламентаризма, демократии? Каутский исходит именно из последней концепции развития. Отсюда результаты его исследований далеко неверны.

Конечно абсолютная монархия Людовика XIV не тождественна французской республике Гастона Думерга, как равно и римская империя эпохи Тиверия и Кая Гракхов не тождественна фашистской Италии Муссолини. Каков же отсюда следует вывод? Отнюдь не тот, который может дать каутскианский вульгарный эволюционизм. Ход изменения и развития государства происходит на основе количественно-качественного

Каутскому, государство не есть результат внутреннего развития общества, оно есть только продукт завоевания, результат столкновения между племенами и народами. Появление классов он также не ставит в связь с развитием имущественного неравенства, а выводит их потому же самому рецепту, а именно—из факта завоевания".

процесса развития социально-экономических формаций. Этот процесс при переходе от одной формации к другой, от одного типа государства к другому неизбежно вызывает социальную революцию, качественное изменение общественных отношений. Этот процесс сопровождается переходом низших форм классовой борьбы в высшие формы: диктатура рабовладельцев сменяется диктатурой класса помещиков, диктатура помещиков — диктатурой буржуазии. Однако все эти диктатуры остаются диктатурами эксплоататоров, меньшинства над угнетенным большинством. И в этом именно вся суть марксистско-ленинского учения о государстве.

„Сущность учения Маркса о государстве, — писал Ленин, — усвоена только тем, кто понял, что диктатура одного класса является необходимой не только для всякого классового общества вообще, не только для пролетариата, свергнувшего буржуазию, но и для целого исторического периода, отделяющего капитализм от „общества без классов", от коммунизма. Формы буржуазных государств чрезвычайно разнообразны, но суть их одна: все эти государства являются так или иначе, но в последнем счете обязательно диктатурой буржуазии" (т. XXI, изд 2-е, с. 393).

Каутский решительно отвергает такой взгляд на государство. По его мнению, современное буржуазное государство занимается выполнением „общеполезных", общеклассовых функций. Так например оно заботится о состоянии школ, больниц, богаделен, о развитии просвещения и т. д. И нужно сказать, что в сравнении с Каутским, взгляды на государство даже такого махрового идеолога буржуазии как Вернер Зомбарт являются известным шагом вперед. „Сознательное политическое вмешательство государства охраняет капиталистические интересы и содействует им",—говорит Зомбарт. И это правильно. Каутский в своем рвении услужить господствующему классу доходит до сплошного абсурда. Реабилитируя современное государство, он по существу оправдывает суд, полицию, церковников и „подвиги" различных фашистских организаций.

Мало того, он полагает, что теперь уже не время говорить о „разрушении", о „сломе" государственной машины, что теперь может итти речь только о „завладении государственной властью". И тем самым он явным образом отвергает известный вывод Маркса о том, что „рабочий класс не может просто завладеть готовой государственной машиной и заставить ее служить своим целям". Ему он противополагает свой социал-фашистский взгляд, согласно которому современное буржуазно-демократическое государство находится на пути превращения „из орудия подавления" в орудие освобождения угнетенных масс. Каутский отвергает теорию „разрушения",

„уничтожения" государственной машины и по другой причине. Он прекрасно понимает, что это „уничтожение" в современных условиях неизбежно обусловливает провозглашение советской власти и диктатуры пролетариата, а это противоречит его социал-фашистским интересам.

Вместе с Каутским вся современная социал-демократия также искажает марксистский взгляд на „отмирание" государства. По их мнению, последней формой классового господства является буржуазно-демократическое государство, а не пролетарское государство, как утверждает революционный марксизм. В отношении буржуазного государства может быть применима только теория „разрушения", „слома", осуществление которой берет на себя революционный пролетариат, руководимый коммунистической партией. Государство пролетариата есть последняя форма государства. Оно есть первое господство большинства над меньшинством и последнее господство одного класса над другим.

„Энгельс говорит,—пишет по этому поводу Ленин,—что, беря государственную власть, пролетариат „тем самым уничтожает государство как государство". Что это значит, об этом думать „не принято". Обычно это либо игнорируют совершенно, либо считают чем-то вроде „гегельянской" „слабости" Энгельса. На деле, в этих словах выражен кратко опыт одной из величайших пролетарских революций, опыт Парижской коммуны 1871 года. На деле, здесь Энгельс говорит об „уничтожении" пролетарской революцией государства буржуазии, тогда как слова об отмирании относятся к остаткам пролетарской государственности после социалистической революции. Буржуазное государство не „отмирает", по Энгельсу, а „уничтожается" пролетариатом в революции. Отмирает после этой революции пролетарское государство или полугосударство" (т. XXI, изд. 2 е, с. 380).

Это единственно правильное решение по вопросу об „отмирании" пролетарского государства и об „уничтожении" буржуазного государства. Однако социал-фашисты устами Дитмана и Вельса пытаются доказать, что вопрос об „уничтожении" буржуазного государства историей уже снят. Там, где возникли коалиционные правительства с участием социал-демократии, где социал-демократия принимает активное участие в государственной жизни, там, по их мнению, не может быть и речи об „уничтожении" и „сломе" государственной машины. Более того, они считают, что сам факт образования коалиционного правительства является вполне достаточным для того, чтобы объявить о вступлении государства в эпоху переходного периода от капитализма к коммунизму. Особенно характерен в этом отношении магдебургский съезд немецких социал-фашистов,

на котором докладчик о военной программе Дитман совершенно открыто и прямо заявил, что Германия уже вступила в полосу „социалистического строительства".

„Мы больше уже не живем в чистом капиталистическом обществе, а в переходном периоде к социализму,"—заявил Дитман. „Старое государство мы расценивали как управление делами господствующего класса. Теперь государственная власть дается народом... Критики заявляли, что для социалистического государства они допускают военную силу. Но я уже указал, что мы находимся в периоде развития к социализму. Мы должны теперь защищать уже социалистические требования. Кто разрешает России иметь военную силу, потому что там якобы нужно защищать социалистический строй, тот должен разрешить это и Германии, ибо здесь мы должны защищать социалистические достижения, десятки раз превосходящие достижения русских" („Лейпцигер Фольксцейтунг", от 29 мая 1929 г.).

Вот к каким теоретическим трюкам прибегают представители II Интернационала для обоснования своей социал-фашистской тактики. Политический смысл этих обоснований нам хорошо известен. Германский социал-фашизм пытается ослабить силы социалистической революции, чтобы упрочить господство финансового капитала. В интересах осуществления этой цели социал-фашисты охотно прибегают к употреблению парадных фраз, к теоретическим „обоснованиям" развития Германии в сторону социализма, вступления в переходный период и т. п. Эта же цель обязывает их отвлечь внимание революционных рабочих от действительного положения вещей. Каково же фактическое положение дел в Германии? На почве экономического кризиса увеличивается с каждым днем армия безработных, ширятся недовольство и ропот трудящихся на фашистскую диктатуру Брюнинга. Вследствие полицейского террора, запрещения демонстраций и применения чрезвычайных законов и и постановлений (§ 48) накаливается революционная атмосфера, растет влияние коммунистической партии среди широких масс, созревают новые формы классовой борьбы.

Эта обстановка, далеко не соответствующая фальшивой оценке магдебургского съезда социал-фашистов, делает очевидным для широких масс пролетариата, что единственным выходом является свержение господства финансового капитала, уничтожение фашистской диктатуры Брюнинга и установление диктатуры пролетариата. Только посредством осуществления этих задач Германия может вступить в переходный период от капитализма к коммунизму. Только после слома военно-бюрократической государственной машины финансового капитала может итти речь о действительной организации социалистиче-

ского строительства. Эти задачи имеют прямое отношение не только к Германии, но и ко всем другим капиталистическим странам. Повсюду революционный ход истории ставит в порядок дня ниспровержение господства капитала, разоблачение до конца предательской роли современной социал-демократии и провозглашение политического господства пролетариата.

Такой взгляд решительно отрицает всякое иезуитское преклонение перед буржуазно-демократическим государством, всякую парадную фразу о „развитии социализма" в условиях господства финансового капитала. Он также далеко не тождествен анархическому учению о безгосударственном состоянии общества. Анархисты всех толков отрицают всякое государство, как абсолютное зло, в том числе и пролетарское государство. Их идеал — создание свободного союза автономных групп и общин, состоящих из мелких непосредственных производителей. Проведение в жизнь их идеала было бы равносильно возвращению человечества в полуварварское состояние, так как выпала бы материальная основа развития производительных сил — крупное машинное производство. Анархисты типа Бакунина, Кропоткина и Прудона противопоставляют крупному машинному производству — докапиталистическое ремесленное производство, научному социализму — „примитивный дикий социализм в деревне".

Анархизм, будучи враждебен пролетарской государственности, всякой власти и руководству, по существу является непоследовательным индивидуализмом, не имеющим ничего общего с марксистско-ленинской теорией общественного развития. Марксист-ленинец стоит на точке зрения диалектического отмирания пролетарского государства. Для него процесс подавления и принуждения эксплоататоров, процесс обобществления средств производства и поднятия производительности труда обусловливает собой в условиях диктатуры пролетариата неизбежность отмирания государства. Ибо только по мере осуществления исторических задач пролетариата, по мере уничтожения классов и классовых различий, по мере устранения экономического неравенства государство перестает быть тем, чем оно есть; оно отмирает в качестве „остатков пролетарской государственности" во второй фазе коммунизма.

В первую фазу коммунизма доводится до широчайших и всесторонних размеров организация планового производства, осуществляется радикальная чистка общества от каких бы то ни было приемов и видов эксплоатации, государственная власть принимает форму широчайшего самоуправления, но тем не менее общество в целом все еще не будет свободно от „традиций и следов капитализма". Здесь еще будет иметь место нормировка распределяемых продуктов, еще не будет

перейден „узкий горизонт буржуазного права", и еще не исчезает противоположность между умственным и физическим трудом. Правда, уже в недрах первой фазы коммунизма будут развиваться все необходимые условия для перехода общества в высшую фазу коммунизма.

Таково марксистско-ленинское учение о фазах коммунистического общества. Наша ленинская партия с неослабеваемой энергией и величайшим энтузиазмом осуществляет это учение, руководя и воспитывая рабочий класс и широчайшие трудящиеся массы в борьбе за ликвидацию классов, за превращение всего трудящегося населения страны в активных и сознательных строителей бесклассового социалистического общества.

Только в результате этой всемирно-исторической работы, нашедшей свое политическое выражение в решительном проведении генеральной линии партии, партия обеспечила крупнейшие социально-экономические сдвиги, приведшие к построению фундамента социалистической экономики в нашей стране. Но, пройдя этот героический этап социалистического строительства, рабочий класс и его партия поставили перед страной со всей большевистской ясностью и политической остротой вопрос о построении в течение второй пятилетки бесклассового социалистического общества.

„Основной политической задачей второй пятилетки,—постановила XVII партконференция,—является окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплоатацию, и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества".

Разумеется осуществление этой всемирно-исторической задачи возможно только на базе всемерного укрепления мощи пролетарского государства. Проблема полного отмирания государства разрешается не в первой, а во второй фазе коммунистического общества. Задачей же первой фазы коммунизма является всемерное укрепление диктатуры пролетариата в целях окончательного уничтожения различий между рабочим классом и колхозным крестьянством, в целях усиления охраны общественной собственности на средства производства от всевозможных враждебных посягательств со стороны капиталистического мира. Вот почему на XVI съезде партии т. Сталин указывал, что путь к отмиранию государства идет через укрепление пролетарского государства. Отсюда видно, что исторические решения XVII партконференции ставят в порядок дня теоретическое осмысливание социалистических производственных отношений и обобщение того гигантского

опыта, который дает современная советская действительность.

БУРЖУАЗНАЯ ДЕМОКРАТИЯ И СОЦИАЛ-ФАШИЗМ

„Диктатура так или иначе пролетарского происхождения,— говорит Каутский,—но она также мало означает господство пролетариата, как страшный режим во Франции во время господства генералов Наполеона I, представлявший по существу господство мелкой буржуазии („Die materialistische Geschichtsauffassung," B. II, S. 531). Совсем другое—демократия. Она означает господство большинства, но также и защиту меньшинства, ибо она означает равноправие, равное участие каждого во всех политических правах, которые классам и партиям должны всегда принадлежать. Пролетариат больше всех заинтересован в демократии" („Die Diktatur des Proletariats", S. 57).

Такова логика фактов. Каутский приветствует буржуазную диктатуру и обрушивается с руганью и насмешками на диктатуру пролетариата. Он прилагает все свои теоретические способности к тому, чтобы доказать полную правомерность диктатуры буржуазии и обеспечить ей широкое развитие. Но стоит только указать на классовый характер демократии, что так старательно скрывает Каутский, чтобы понять всю мерзость этого обмана. В условиях господства буржуазии демократия никогда не служит интересам трудящегося большинства, так как поставить демократию на службу большинству — это значит вырвать из рук буржуазии все экономические и политические рычаги и передать их большинству, что может осуществить только пролетарская революция. Поэтому только диктатура пролетариата может создать высший тип демократии, отвечающий интересам подавляющего большинства трудящихся. Но это отвергает Каутский самым решительным образом.

Аналогичную оценку буржуазной демократии мы находим и у Гильфердинга. „Исторически д е м о к р а т и я, — говорит он, — всегда была д е л о м п р о л е т а р и а т а. Я всегда удивлялся утверждениям, что демократия была делом буржуазии... Демократия остается п о л и т и ч е с к о й формой также в переходное время, когда пролетариат будет господствовать в государстве и социальное содержание, общественные отношения будут изменяться в духе социализма с помощью демократической государственной власти. В первую голову мы должны остерегаться выставлять демократию как нечто буржуазное, и таким образом ставить под вопрос высокую ценность демократии для пролетариата" („Капитализм, социализм и социал-демократия", 1928, с. 137).

Так ли это? Такова ли социальная роль демократии? Буржуазный характер демократии в капиталистическом обществе для нас несомненен, ибо она упрочивает экономическое неравенство эксплоатируемого и эксплоататора, пролетария и буржуа. Она является формой диктатуры буржуазии. Это прекрасно видно хотя бы уже из одного того, что при демократии буржуазия чрезвычайно широко пользуется своим имуществом и капиталами для фактического господства над массами. Она выдвигает на первый план исключительно формальное равенство и свободу, распространяет иллюзии и фикции о господстве „воли народа", стремясь затушевать классовую сущность демократии. „Идея равенства,—говорит Ленин,—сама являющаяся отражением отношений товарного производства, превращается буржуазией в орудие борьбы против уничтожения классов, под предлогом будто бы абсолютного равенства человеческих личностей. Действительный смысл требования равенства состоит лишь в требовании уничтожения классов" (т. XVII, изд. 1-е, с. 211).

Вот почему формально-юридическое равенство не есть социально-экономическое и политическое неравенство. Здесь также господствует классовый интерес эксплоататора, вытекающий из капиталистических условий производства. Лучшим примером в этом отношении для нас служит современная практика буржуазного „правосудия", которая под флагом той же демократии позволяет безнаказанно осуществлять экономический и политический террор над рабочим классом. Вот почему наше отношение к буржуазной демократии было и может быть только таковым: „Пока революция не выходила из рамок буржуазного строя,—говорит Ленин,—мы стояли за демократию, но как только первые проблески социализма мы увидели во всем ходе революции,—мы стали на позиции, твердо и решительно отстаивающие диктатуру пролетариата" (т. XXII, изд. 2-е, с. 219).

В противоположность Марксу и Ленину социал-фашисты громогласно провозглашают, что пролетариат больше всех заинтересован в упрочении буржуазной демократии. Более того, стремясь удушить разгорающуюся пролетарскую революцию и преодолеть обостряющиеся классовые противоречия за счет сокрушения коммунистического движения пролетариата, они лицемерно заявляют, что в переходный период формой политического господства пролетариата должна быть только демократия. Конечно, такую издевку могут позволить только люди, не имеющие ничего общего ни с рабочим классом, ни с революционным марксизмом. Ведь не кто иной, как Маркс в „Критике Готской программы" писал в 1875 г.: „Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного переустройства одного в другое.

Этому соответствует и в политике переходный период, во время которого не может быть иного государства, кроме революционной диктатуры пролетариата".

В этой четкой и ясной формулировке нет ни малейшего намека на буржуазную демократию как на политическую форму господства пролетариата. Наоборот, Маркс считал, что переходному периоду соответствует единственно возможное государство, в котором пролетариат возвышен в степень господствующего класса, осуществляющего свою революционную диктатуру [1]. Достаточно вспомнить его оценку исторической роли Парижской коммуны 1871 года, чтобы понять, как далеко ушли Каутские и Гильфердинги в сторону от марксистских идей о диктатуре пролетариата. Не даром Ленин со всей решительностью клеймил позором вождей социал-демократии и неустанно разоблачал классовую сущность их реакционного противопоставления демократии диктатуре рабочего класса. Он рассматривал их защиту буржуазной демократии как прямую измену делу социализма, как явный отказ от марксистского учения о классовой борьбе.

„Защита буржуазной демократии в речах, в крикливых выпадах за демократию вообще,—писал Ленин,—есть прямое предательство социализма, фактический переход в лагерь буржуазии, отрицание права пролетариата на свою пролетарскую революцию, защита буржуазного реформизма как раз в тот исторический момент, когда буржуазный реформизм потерпел крушение во всем мире". Вот каков политический смысл борьбы за демократию. Практика реформизма показала, что „крикливые выпады за демократию вообще" никогда не идут далее признания права на участие рабочего класса в органах местного самоуправления, в парламентах, в рабочей кооперации, в профсоюзах и других организациях. Это культивирование мирных форм разрешения классовых конфликтов в целях „все большего и большего развития демократии" есть вернейший критерий измены социал-демократии делу пролетарской революции, есть характернейший признак ее перехода в лагерь буржуазии.

„Развитие вперед не идет просто, прямо и гладко ко все большей и большей демократии,—возражал Ленин,—как представляют дело либеральные профессора и мелкобуржуазные оппортунисты. Нет. Развитие вперед, т. е. к коммунизму, идет

---

1 В брошюре „Пролетарская революция и ее программа" Каутский в противоположность Марксу заявляет: „Чисто буржуазная власть в демократическом государстве отделена от чисто пролетарской власти периодом времени, в течение которого совершается превращение первой во вторую. Этому соответствует и переходный политический период, в течение которого правительство как общее правило имеет форму коалиционного правительства".

через диктатуру пролетариата и иначе итти не может, ибо сломить сопротивление эксплоататоров-капиталистов больше некому и иным путем нельзя". Обосновывая революционную тактику и стратегию партии, Ленин неоднократно возвращался к вопросу о демократии. Он всякий раз разоблачал ее классовый характер, жестоко бичуя филистерское тупоумие, лицемерно возносящее до небес призрачные „блага демократии". Он утверждал, что абстрактно-демократические мечтания возникают и развиваются на почве мелкого товарного производства, обреченного на уничтожение, на гибель в условиях роста крупного капиталистического производства. В согласии с Марксом и Энгельсом, Ленин считал единственно верным, единственно необходимым орудием к свержению ига капитала не демократию, а диктатуру рабочего класса.

„Во всяком капиталистическом обществе решающее значение могут иметь либо буржуазия, либо пролетариат,—писал он,—а мелкие хозяйчики неизбежно остаются колеблющимися, бессильными, глупыми мечтателями о „чистой", т. е. внеклассовой или надклассовой демократии... Из общества, в котором один класс угнетает другой, нельзя выйти иначе, как диктатурой угнетенного класса... Только сладенькие мещане и филистеры могут мечтать, обманывая этими мечтами и себя и рабочих, о свержении ига капитала без долгого и трудного подавления сопротивления эксплоататоров".

Итак, глупыми мечтателями о внеклассовой, „чистой" демократии являются мелкие буржуа. Их своеобразное отношение к пролетариату и крупной буржуазии, а также отношение друг к другу, вытекающие из положения в системе производства, толкает на поиски равнодействующей политической линии, могущей примирить борющиеся основные классы капиталистического общества и предотвратить постоянные угрозы разорения и социальных потрясений.

Но это утопические мечты. Революционный ход истории ведет страны капиталистического развития ко все большему обострению классовой борьбы, и никакие попытки Каутских и Куновых предотвратить победу пролетарской революции и лишить актуального значения лозунг диктатуры пролетариата не могут иметь положительного успеха.

Однако каково существо этих попыток? Вожди социал-демократии освещают в самом вымышленном и извращенном виде весь ход социалистического строительства в СССР, все достижения и успехи, осуществленные в системе диктатуры пролетариата. Этот прием служит им средством оправдания в глазах широких масс исторически сложившихся парламентских учреждений, которые, как мы знаем, под флагом демократии осуществляют волю финансовой плутократии. Они на-

сыщают свои писания ссылками на авторитет Маркса и Энгельса, на их работы и речи, которые истолковываются ими в социал-реформистском виде.

В этом отношении не уступает Каутскому и Кунов. Он считает, что речь Маркса произнесенная в 1872 г. в Амстердаме снимает с порядка дня насильственный характер пролетарской революции. Правда, в ней мы находим такое место: „Мы знаем,—говорит Маркс,—что необходимо принимать во внимание учреждения, нравы и традиции различных местностей, и мы не отрицаем, что существуют такие страны, как Америка, Англия,—быть может я присоединил бы к ним и Голландию, если бы я лучше был знаком с вашими учреждениями,—где рабочие могут притти к своей цели мирным путем. Но так дело обстоит не во всех странах" (цит. по Кунову, „Марксова теория исторического процесса общества и государства", с. 287).

Не надо быть большим знатоком современного милитаристического развития Америки и Англии, чтобы понять, насколько облыжно и антиисторично истолковывается Куновым эта речь Маркса. Он игнорирует целиком и полностью фактические условия общественного развития этих стран. Когда Маркс указывал на своеобразный ход развития Англии и Америки, отличный от континентальных государств Европы, то он исходил не из каких-либо абсолютных, вечных законов, которые обусловливали собой мирный переход государственной власти в руки рабочих Англии и Америки. Он прекрасно видел, что упомянутые им страны в то время еще не располагали огромной милитаристической силой, которую они приобрели за протекшие десятилетия, что их государственные учреждения еще были лишены той степени бюрократизации, которая уже в то время составляла характерную черту континентальных государств.

Отсюда вполне понятно, почему он внес это „ограничение" в отношении Англии и Америки, которое впоследствии самим ходом развития было снято, после того как эти страны превратились в крупнейшие империалистические державы, когда они создали у себя крупнейшие в мире предприятия военной металлургии, а также сухопутные, морские и воздушные военные силы.

„Теперь, в 1917 году, в эпоху первой великой империалистской войны,—писал поэтому поводу Ленин,—это ограничение Маркса отпадает. И Англия и Америка, крупнейшие и последние во всем мире представители англо-саксонской, „свободы" в смысле отсутствия военщины и бюрократизма скатились вполне в общеевропейское грязное, кровавое болото бюрократически военных учреждений, все себе подчиняющих,

все собой подавляющих. Теперь и в Англии и в Америке „предварительным условием всякой действительной народной революции" является ломка, разрушение „готовой" (изготовленной там в 1914—1917 годах до „европейского"—общеимпериалистического совершенства „государственной машины" (т. XXI, изд. 2-е, с. 395).

Только такое решение вопроса отвечает объективному ходу истории и историческим задачам пролетариата. Понятно, социал-реформистское истолкование Куновым речи Маркса не случайно. Кунов — враг революционного марксизма. Всякий намек на необходимость насильственного свержения господства буржуазии он рассматривает как антисоциалистический маневр, как отказ от учения Маркса о борьбе классов. В своих работах он потакает классовому сознанию буржуазии, заявляя, что переворот социальных и политических отношений может происходить постепенно без восстаний и уличной борьбы. „Классовая борьба,—утверждает Кунов,—может столь же хорошо вестись таким путем, как, скажем, путем парламентских прений".

Куда же итти дальше? Ведь это самый подлый, лицемерный пасквиль на революционный марксизм. Кто не знает, что классовая борьба в форме „парламентских прений" как раз то, что охотнее всего санкционирует, поддерживает и проповедует буржуазия. Всякий, кто сколько-нибудь знаком с марксизмом, знает, что нет глупее предприятия, как зачисление Маркса и Энгельса в разряд заурядных апологетов парламентских форм борьбы. Они считали парламентскую трибуну лишь средством для мобилизации масс для разоблачения предательства социал-демократов и всевозможных происков буржуазии. Именно они считали, что только на путях диктатуры лежит освобождение пролетариата от гнета и эксплоатации. Но Кунов отрицает это. Он сводит марксизм к буржуазному учению о борьбе классов, не упоминая ни единым словом об исторической роли диктатуры пролетариата. И это вполне понятно. Кунов задался целью путем самых вопиющих извращений и фальшивых цитат из Маркса и Энгельса реабилитировать весь парламентский кретинизм социал-демократов, все „плоды" буржуазной демократии, которые дает современная капиталистическая система.

Разумеется, Кунов далеко не является исключением[1]. В та-

[1] Показательно в этом отношении предисловие Плеханова ко второму русскому изданию „Коммунистического манифеста", в котором он считает вполне вероятной мысль о „новом взгляде" Энгельса „на роль открытых восстаний" рабочего класса. Плеханов пишет: „К концу своей жизни Энгельс значительно изменил свой взгляд на роль открытых восстаний в освободительной борьбе пролетариата. Между тем как в эпоху опубликования „Манифеста" он и Маркс считали открытое восстание неизбежным условием

ком направлении, как мы видели выше, работает весь политический и теоретический штаб II Интернационала. Какова же основная цель его работы? Его основная цель—это, во-первых, осуществление в современном революционном движении пролетариата поворота на путь „демократии", через подавление пролетариата, посредством выступлений против сторонников революционной диктатуры рабочего класса, против компартий, против большевизма, во-вторых, полное обеспечение господствующего положения теории эволюционного, мирного превращения капитализма в социализм.

Однако каков социологический профиль этой теории? Социал-фашисты утверждают, что экономический процесс совершается в рамках принятой ими формулы, которая гласит: капитализм вследствие присущих ему законов неизбежно перерастает посредством монополий в государственный капитализм, а последний, в свою очередь, на основе мирного, автоматического развития „демократии" принимает форму социализма. Эта формула „исключает" самым радикальным образом все объективные противоречия общественной жизни, выдвигая на первый план мирный прогрессивный ход развития производительных сил и производственных отношений.

Ленин прекрасно видел, куда ведет эта теория и чьим классовым интересам она служит и поэтому самым решительным образом обрушивался на вдохновителей и сторонников мирного хода истории. „Бывают такие ученые и даже ученейшие люди", писал он.—В книжках он читал, что социализм есть высшее развитие производства. Каутский даже и теперь только и делает, что это повторяет... Нам говорят: „Социа-

---

победы рабочего класса, Энгельс к концу своей жизни признал, что при известных обстоятельствах легальный путь тоже может привести к победе, а на восстание стал смотреть, как на такой способ действия, который при современной технике военного дела сулит социалистам не победу, а жестокое поражение. И не перестанет сулить его до тех пор, пока сама армия не проникнется социалистическим духом.

Этот новый взгляд Энгельса заслуживает, разумеется, полного внимания и уважения, но он ни мало не противоречит тому, что мы сказали выше о возможном значении насильственных действий в революционной борьбе рабочего класса" (т. XI, с. 325).

Разумеется, Плеханов не мог не знать отношения Энгельса к Эрфуртской программе, а также всех тех обстоятельств, при которых вышло в свет „Введение" Энгельса к „Борьбе классов во Франции". Защита легального пути и недооценка вооруженного восстания пролетариата проистекали не из того, что Плеханов в тактических вопросах „был гораздо менее силен, чем в теории", как полагает Б. Горев. Корни плехановского оппортунизма лежат гораздо глубже, причем в совершенно иной плоскости. Оппортунизм Плеханова стоит в тесной связи с методологической и политической позициями II Интернационала. А потому совершенно неслучайно социал-империалистическая струя пробивается наружу в его „Истории русской общественной мысли" (т. XX, с. 13 и в других работах).

лизм есть повышение производительности". Книжки вы читали господа хорошие, книжки вы писали, в книжках вы ничего не поняли.

Конечно, с точки зрения такого капиталистического общества, которое бы в мирное время мирно перешло к социализму у нас не было бы более неотложных задач, как поднятие производительности. Только маленькое словечко надо сказать: „Если бы". Если бы социализм рождался так мирно, как господа капиталисты не позволяли ему рождаться. Маленькая нехваточка вышла. Если бы даже не было войны, то все же господа капиталисты все бы сделали, чтобы не допустить такого мирного развития.... Мирного развития к социализму быть не может... Так стоит вопрос о социализме, который рождается не из фантазии мирного дурачка, называющего себя социал-демократом, а из реальной действительности, из бешеной, отчаянно-жестокой классовой борьбы. Это факт" (т. XVI, изд. 1-е, с. 212—215).

Ленин не раз со всей присущей ему прямотой и решительностью обрушивался на подлейшие ревизионистские извращения марксизма. Он полагал, что нет более возвышенных задач у действительно революционной партии рабочего класса, чем самая упорная, длительная и открытая борьба за очищение марксизма от всевозможных буржуазно-оппортунистических извращений. Мало того, он считал, что совершенно невозможно осуществить диктатуру пролетариата без предварительной полной победы над социал-реформизмом и современным социал-шовинизмом.

Отсюда естественно следовал тот вывод, что одним из ответственнейших участков классовой борьбы является борьба против социал-оппортунизма, реформизма и социал-шовинизма.

„Одним из необходимых условий подготовки пролетариата к его победе,—говорил Ленин,—является длительная и упорная безпощадная борьба против оппортунизма, реформизма, социал-шовинизма и тому подобных буржуазных влияний и течений, которые неизбежны, поскольку пролетариат действует в капиталистической обстановке. Без такой борьбы, без предварительной полной победы над оппортунизмом (а равно и анархизмом) в рабочем движении не может быть и речи о диктатуре пролетариата" (т. XVI, изд. 1-е, с. 458).

Это указание Ленина обязывает нас к сосредоточению самого пристального внимания на идеологической борьбе компартий, работающих в капиталистических странах. Оно налагает на нас ответственнейшие обязательства по оказанию им помощи в деле борьбы с социал-фашизмом и другими реакционными течениями, преграждающими путь к диктатуре пролетариата.

V ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА И СОЦИАЛ-ФАШИЗМ

Вопрос о диктатуре пролетариата является коренным вопросом пролетарской революции. Он поставлен Марксом и Энгельсом в качестве исторически неизбежного этапа классовой борьбы на пути к бесклассовому социалистическому обществу. Он всесторонне и глубоко исследован Лениным и практически разрешен в форме учреждения советской власти.

Несмотря на все это, социал-демократия устами Каутского, Кунова и других продолжает клясться и уверять рабочие массы в том, что Маркс совершенно случайно обронил „словечко" о диктатуре пролетариата,[1] что он никогда не мыслил иного пути к самоосвобождению пролетариата, кроме демократии. Отвергая гениальную критику Ленина буржуазной демократии, они заявляют, что идея диктатуры пролетариата представляет собой реакционную утопию, так как она находит ревностных поклонников чаще всего в экономически отсталых странах с незрелым и неразвитым пролетариатом. Мало того, желая унизить и скомпрометировать в глазах широких масс коммунистов-ленинцев, она лицемерно утверждает, что большевистская диктатура находится в прямом противоречии с марксистским учением о классовой борьбе. Посмотрим, так ли это.

Учение Маркса и Энгельса о классовой борьбе нашло яркое выражение в знаменитом „Коммунистическом манифесте". Уже здесь на основе углубленного анализа они приходят к выводу, что без „возвышения пролетариата на степень господствующего класса" нельзя разрушить основы эксплоатации буржуазного общества. „Пролетариат, самый низший слой современного общества, — говорит „Коммунистический манифест", — не может подняться, не может выпрямиться, не уничтожая в правах всю возвышающуюся над ним надстройку из слоев, образующих официальное общество".

Отсюда неизбежно следовал вывод, что этот „подъем" и „возвышение" пролетариата должны иметь в качестве реальной предпосылки насильственное ниспровержение буржуазного общественного строя и завоевание пролетариатом политичес-

---

1 Так например Каутский, выступая в защиту демократии в брошюре „Диктатура пролетариата", заявляет: „Большевики своевременно вспоминают словечко о диктатуре пролетариата, которое употребил однажды Маркс в письме в 1875 г. Конечно он этим хотел отметить политическое состояние, а не форму правления" (Die Diktatur des Proletariats, Wien, 1918, S. 60). В „Материалистическом понимании истории" он снова возвращается к той же мысли, утверждая, что социалисты, выступающие против демократии, ссылаются на слова о диктатуре пролетариата, которые Маркс высказал чисто случайно без изложения, какого рода государственную конституцию он понимал для этого политического состояния" (B. II, 1927, S. 469).

кого господства. Но первейшей задачей этого завоевания должно явиться осуществление „централизации всех орудий труда в руках государства, т. е. организованного в качестве господствующего класса пролетариата".

Таков важный итог и вывод, к которому пришли Маркс и Энгельс в „Коммунистическом манифесте". Впрочем необходимо отметить и тот факт, что еще до появления „Коммунистического манифеста" Маркс провозгласил неизбежность социалистической революции. В „Немецкой идеологии" он писал: „Революция необходима не только потому—что нельзя никаким иным способом свергнуть господствующий класс, но и потому, что свергающий класс может только в революции очиститься от всей грязи старого общества и стать способным создать новое общество" („Архив", т. I, с. 227).

Все содержание „Коммунистического манифеста", а в известной мере так же и „Немецкой идеологии" Маркса своим выводом имеет диктатуру пролетариата, подводит к ее необходимости и неизбежности.

К. Каутский—этот завзятый социал-ренегат не находит в этих произведениях термина „диктатура пролетариата" и на этом основании нагло утверждает, что идея диктатуры пролетариата не имеет существенного значения „в агитационной литературе марксизма".

Только самозванные, якобы, хранители, якобы, марксистской ортодоксии могли притти к таким геркулесовым столпам нелепости. Только буржуазные филистеры типа Каутского не могут понять, что исторический корень вопроса о диктатуре пролетариата нужно искать не в той или иной форме политики, а в диалектике борьбы между классом производящим и классом присваивающим. А диалектика этой борьбы, как известно, была такова: в 1848 г. французскому пролетариату было нанесено жестокое поражение. Но это „поражение,— говорит Маркс,— открыло ему ту истину, что малейшее улучшение его положения в пределах буржуазной республики остается утопией и что эта утопия становится преступлением при первой попытке осуществить ее. Только на место требований, предъявленных пролетариатом февральской республике, широковещательных по форме, но мелочных и даже буржуазных по существу,— выступает смелый революционный боевой лозунг: низвержение буржуазии, диктатура рабочего класса" (Классовая борьба во Франции, Гиз, 1930, с. 49).

Таково свидетельство Маркса о происхождении идеи диктатуры рабочего класса. Оно с полной объективностью констатирует, что эта могучая идея зародилась не в пышных салонах, не в кабинетах буржуазных ученых, что она извлечена из опыта революционного движения рабочего класса. Вот

почему, анализируя исторический опыт поражения французского пролетариата в 1848 и 1871 гг , Маркс признал этот боевой лозунг могучим орудием пролетарской революции. Кровавые уроки поражений французского пролетариата показали ему, что только классовая диктатура пролетариата в состоянии сломить сопротивление эксплоататоров, что только она может обеспечить рабочему классу выход из социального рабства и нищеты, что только она образует необходимую переходную ступень к уничтожению классовых различий и к созданию нового социалистического способа производства.

„Революционый социализм,—заявил Маркс,—есть не что иное, как перманентная революция, классовая диктатура пролетариата, как необходимая переходная ступень к отмене всяких классовых различий, отмене производственных отношений, на которых покоятся эти различия, к отмене всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям к перевороту всех идей, вытекающих из этих общественных отношений".

Это совершенно новая постановка о развитии социалистической революции, о борьбе классов не нашла справедливой оценки не только среди социалистов типа Луи Блана и Ледрю-Роллэна, но и среди тех, кто, искусно прикрываясь именем Маркса и Энгельса, выдает с головой рабочий класс фашистской диктатуре. Если первые способствовали диктатуре генеральских сапог Кавеньяка, то вторые превратились в апологетов господства финансового капитала. На деле их понимание классовой борьбы не выходит из рамок буржуазной законности, не идет далее парламентских свар и обструкций.

Ставя демократизм собственников и патентованное лакейство выше всего, они не случайно обходят молчанием известнейшее письмо Маркса к Вейдемейеру, так как этот прием позволяет безнаказанно лгать и извращать подлинные взгляды Маркса на классовую борьбу. А между тем в этом письме, датированном 5 марта 1852 года, мы находим яркое резюме теории классовой борьбы Маркса. „То, что я сделал нового,—пишет здесь он, —состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими формами развивающегося производства (dass die Existenz der Klassen bloss an bestimmte historische Entwicklungskampfe der Produktion gebunben), 2) что классовая борьба неизбежно ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к установлению общественного строя, в котором не будет места делению на классы" (Письма, 1928, с. 62).

Эти ценнейшие формулировки Маркса не встретили ни малейшего признания у современных идеологов социал-демо-

кратии. Эдуард Бернштейн прямо заявил, что исторические задачи социал-демократии отнюдь не заключаются в провозглашении диктатуры пролетариата. Он считает, что для того, чтобы быть марксистом, вполне достаточно „бороться за всякого рода реформы" в рамках буржуазного государства. Стоит только вспомнить его знаменитую формулу „цель, чтобы она ни представляла, для меня—ничто, движение же—все", чтобы убедиться в том, с каким легким сердцем Бернштейн отнесся к приведенным выше формулировкам Маркса. Мало того, он выдвинул в противовес Марксу свои собственные „доводы" о классовой борьбе. Он заявил, что предсказания Маркса о дальнейшем ходе капиталистического развития со все большей концентрацией капиталов в немногих руках, с усилием и обострением классовой борьбы не получили подтверждения в жизни. Наоборот, число мелких собственников увеличивается, они через вхождение в акционерные компании получают устойчивую базу для своего существования. Положение рабочих также не ухудшается, а улучшается. Они начинают завоевывать прочные позиции в парламентах, в самоуправлении, в экономической и культурной жизни.

Таким образом исторически возникшее противоречие между главными классами буржуазного общества все более и более сглаживается. Поэтому предсказания Маркса о неизбежности „социальной революции" лишены всяких оснований. Осуществление социализма лежит не на путях революции и диктатуры пролетариата, а на путях конкретных реформ и упрочения буржуазной демократии. Вступив в прямое противоречие с положением Маркса: „Диктатура... составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к установлению общественного строя, в котором не будет места делению на классы", Бернштейн пророческим тоном провозгласил: „Демократия остается формой, в которой осуществляется социализм" („Очерки из истории и теории социализма", 1902, с. 291).

Но только ли Бернштейн в угоду буржуазии подверг коренному пересмотру ревизии теоретические взгляды Маркса? Той же дорогой пошли и Каутский, и Гильфердинг, и Макс Адлер, и Кунов, и Отто Бауэр и целый сонм бюрократов, порвавших связи с революционным движением рабочего класса. Однако Бернштейн в праве гордиться перед коллегами своим „преимуществом". Он совершенно открыто, без всяких уверток, выступил против теории классовой борьбы Маркса. В отличие от Каутского, он самым решительным образом отверг необходимость особого переходного периода между капитализмом и социализмом [1]. Бернштейн без всяких демагогических прикры-

[1] Между прочим это хорошо видно из следующего места: „Постоянное расширение круга общественных обязанностей,—пишет Бернштейн,—т. е.

тий стал на точку зрения постепенного врастания современного общества в социализм, осуществления „социализма по частям“ при капитализме.

Другое дело—Каутский. В свое время он был не прочь позволить себе роскошь метать словесный бисер в защиту пролетарской революции и даже в защиту диктатуры пролетариата. Ленин не мог пройти мимо этих своеобразных черт Каутского. „Виднейший авторитет II Интернационала,—писал он,—проявил себя первоклассным лицемером и виртуозом в деле проституирования марксизма“.

И действительно „в деле проституирования марксизма“ Каутский превзошел не только Бернштейна, Макса Адлера и других, но и весь теоретический штаб II Интернационала.

„Мы имеем все основания отказаться теперь от употребления лозунга „диктатура пролетариата“,—пишет Каутский,—тем более, что последнее всегда было противоречием и до самого 1917 года играло известную роль лишь в полемической, а не в агитационной литературе марксизма. Для нас совершенно достаточно „Коммунистического манифеста“, который ни словом не упоминает о диктатуре, а говорит лишь о господстве пролетариата на основе завоеванной революцией демократии“ („Von der Demokratie zur Staatssklaverei“ 1921, S. 84).

Каутский здесь особенно занятен. Он пытается придать своему отказу от диктатуры пролетариата убедительную форму. Тут все: и ссылка на революционный опыт 1917 г., и на „Коммунистический манифест“, и подтверждение позиции, которую он занимал в полемике с Бернштейном. Но повидимому Каутский „забыл“ одно существенное обстоятельство, что в период, когда в споре с Бернштейном и в других случаях он развивал, хотя и недостаточно последовательно, вопрос о диктатуре пролетариата, то у него все же хватало мужества признавать возможность господства пролетариата в форме диктатуры. Он упустил из виду и тот факт, что „Коммунистический манифест“ и в то время, так же, как и теперь, „не упоминал о диктатуре пролетариата“, но тем не менее Каутский умел более или менее правильно понимать его, находил нужным не забывать и те работы Маркса и Энгельса, в которых шла речь о диктатуре пролетариата.

обязанностей и соответственных прав отдельной личности по отношению к обществу и обязанностей общества по отношению к отдельной личности, расширение права надзора организованного в нацию или государство общества, за хозяйственной жизнью, развитие демократического самоуправления в общинах, округах и провинциях и расширения круга задач этих учреждений—все это, на мой взгляд, является развитием в сторону социализма, если угодно, частичное осуществление социализма“ („Проблемы социализма“, СПБ, 1902, с. 220).

„Бернштейн с негодованием отвергает мысль о диктатуре пролетариата,—писал он в 1899 г.—но мне кажется весьма сомнительным, чтобы можно было освободиться от элементов вроде прусских юнкеров, разных Штуммов и Кюнеманов, Рокфеллеров и Джей-Гульдов, бандитов высшего и низшего ранга, группирующихся вокруг французского генерального штаба, и других молодцов, жаждущих „политики пресечения", оставаясь на точке зрения полнейшего уважения к их личности. И при этом ведь ничто не дает основания заключить, что социальные контрасты смягчаются и сглаживаются; наоборот, я не буду утверждать с уверенностью, что классовое господство пролетариата неизбежно должно принять форму классовой диктатуры. Но чтобы одни лишь демократические формы сделали излишним классовое господство пролетариата, в целях его освобождения, этого никоим образом не доказывает ни опыт прошлого, ни основанные на нем заключения насчет возможного будущего.

... Мы должны разрешить вопрос, может ли демократия в такой степени противодействовать обострению классовых противоречий, необходимо вытекающему из экономического развития, чтобы сделать излишним классовое господство пролетариата. Как теория, так и практика отвечают на этот вопрос отрицательно" („К критике марксизма", Гиз, 1923, с. 264—265).

Конечно Каутский и в 1899 г. в период полемики с Бернштейном вопрос о диктатуре пролетариата ставил в довольно неясной, абстрактной форме. Вместо того чтобы признать полную неизбежность диктатуры пролетариата и подвергнуть существенной критике „демократию и ее вольности," Каутский делал гораздо охотнее поклоны в сторону демократизма собственников и с меньшей заботой думал о решении проблемы диктатуры пролетариата, чем о демократии. Тем не менее его прошлая позиция куда выгоднее отличается от той жалкой и мерзкой лжи о диктатуре пролетариата, которой пробавляется нынешний Каутский. В прошлом были случаи, когда он находил в себе мужество говорить о диктатуре пролетариата.

„Маркс и Энгельс,—писал он в 1909 г.,— выковали понятие диктатуры пролетариата, которую Энгельс в 1891 г. незадолго до своей смерти упорно отстаивал,—понятие о политическом единовластии пролетариата как единственной форме, в которой он может осуществлять государственную власть" („Путь к власти", Гиз, 1923, с. 18).

Так писал тогда Каутский. Но теперь он приводит иные доводы, употребляет иные слова для выражения своего отрицательного отношения к диктатуре пролетариата. Каутский—автор „Аграрного вопроса" остался весь в прошлом, теперь перед нами Каутский—интервенционист и социал-фашист.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Какова историческая роль диктатуры пролетариата и каковы ее существенные черты? Правильное и глубокое решение этого вопроса мы находим в работах Ленина.

„Не в одном насилии сущность пролетарской диктатуры,— писал он,— и не главным образом в насилии. Главная сущность ее в организованности и дисциплинированности передового отряда трудящихся, его авангарда, его единственного руководителя—пролетариата. Его цель—создать социализм, уничтожить деление общества на классы, сделать всех членов общества трудящимися, отнять почву у всякой эксплоатации человека человеком. Эту цель нельзя осуществить сразу, она требует довольно продолжительного переходного периода от капитализма к социализму и потому, что переорганизация производства вещь трудная, и потому, что нужно время для коренных перемен во всех областях жизни, и потому, что громадная сила привычки к мелкобуржуазному и буржуазному хозяйничанию может быть преодолена лишь в долгой упорной борьбе. Поэтому Маркс и говорит о целом периоде диктатуры пролетариата, как периоде перехода от капитализма к социализму" (т. XVI, с. 226—227).

В ряде работ и мест Ленин отмечает другие характерные черты диктатуры пролетариата: „Диктатура пролетариата, - писал он,—есть самое полное осуществление руководства всеми трудящимися и эксплоатируемыми, которые угнетены, забиты, задавлены, запуганы, раздроблены, обмануты классом капиталистов, со стороны единственного класса, подготовленного к такой руководящей роли всей историей капитализма" (т. XVII, с. 235). „Диктатура пролетариата не есть окончание классовой борьбы, а есть продолжение ее в новых формах. Диктатура пролетариата есть классовая борьба победившего и взявшего в свои руки политическую власть пролетариата против побежденной, но не уничтоженной, не исчезнувшей, не переставшей оказывать сопротивление, против усилившей свое сопротивление буржуазии. Диктатура пролетариата есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.) или большинством их, союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма" (т. XVI, с. 240—241).

Таким образом сущность диктатуры пролетариата у Ленина далеко не исчерпывается понятием революционного насилия,

хотя оно и составляет существенный признак пролетарской диктатуры. Ибо совершенно не мыслимо осуществление исторических задач социалистической революции без насильственного подавления класса эксплоататоров, без отнятия у этого класса его фабрик, заводов, собственности, без лишения его всяких „свобод" — слова, печати, собраний, а также без лишения его избирательных и прочих прав. С другой стороны, совершенно немыслима громадная строительная и организаторская социалистическая работа без переплетения насильственной стороны диктатуры пролетариата со строительной, без осуществления со стороны пролетариата и его партии союза с основными массами крестьянства.

Однако как представлял себе форму этого союза Ленин? Он считал, что только пролетариату должно принадлежать руководство всей экономической, политической и идеологической жизнью страны, что оно не должно быть руководством от случая к случаю. Оно должно быть конкретным, предметным руководством. Оно должно обеспечить полное осуществление высшего принципа диктатуры, а именно: сохранение и упрочение союза с широчайшими крестьянскими массами. Оно должно всемерно способствовать развертыванию борьбы за вовлечение основных масс крестьянства в дело социалистического строительства.

Что же отсюда следует? А именно то, что формулу „союз рабочего класса и крестьянства" Ленин понимал не как „догму", но как средство к победоносному продвижению социализма в область экономической жизни страны, как способ для быстрейшего осуществления величайших задач диктатуры пролетариата. Поэтому Ленин не мог стоять за всякий союз, за союз „вообще", — он стоял за такой союз с середняцкими массами, в котором пролетариат может вести решительную и ожесточенную борьбу против эксплоататоров, против всех тех сил, которые в той или иной форме противодействуют социалистической переделке и преобразованию деревни. Он полагал, что только союз, имеющий такую политическую базу, способен обеспечить социалистический рост производительных сил, способен возбудить к жизни неистощимый источник творчества широких масс. Именно такой взгляд, такое понимание союза рабочего класса с основными массами крестьянства приемлемо для марксиста-ленинца.

„Ленинизм безусловно стоит за прочный союз с основными массами крестьянства, — говорит т. Сталин, — за союз с середняками, но не за всякий союз, а за такой союз с середняками, который обеспечивает руководящую роль рабочего класса, укрепляет диктатуру пролетариата и облегчает дело уничтожения классов" („Вопросы ленинизма", 1930, с. 495).

Формулируя высший принцип диктатуры пролетариата, Ленин вкладывал в понимание союза рабочего класса и крестьянства именно такой смысл. Но все это осталось за семью печатями и для контрреволюционного троцкизма и для правого уклона, являющегося главной опасностью в рядах нашей партии.

Троцкий взял за одну скобку все крестьянство. У него исчез с поля зрения середняк, в деревне он видел только кулачество и бедноту. При таком взгляде на деревню конечно не могло быть и речи о прочном союзе пролетариата с основными массами престьянства, не могло быть и речи о переделке и перевоспитании в духе социализма этих масс. Наоборот, „враждебное столкновение" пролетариата с крестьянством казалось Троцкому неизбежным, фатальным явлением.

Мало того, указания Ленина о революционной приверженности бедноты, о сочувствии середняцких масс делу пролетарской революции, с его точки зрения, было лишено всякого разумного смысла. Троцкий не видел никаких средств для преодоления противоречий между пролетариатом и широчайшими массами крестьянства. Не веря в творческие силы рабочего класса, он ограничивался пустыми фразами, заявляя, что противоречия, вытекающие из экономического положения крестьянства, могут быть разрешены только „на арене мировой революции пролетариата". Понятно, эта троцкистская установка о соотношении классовых сил вела пролетариат к полному разоружению перед капиталистическими элементами.

Но эта установка совершенно не случайна. Она является „производной" от общих методологических позиций Троцкого, для которых, как известно, характерен субъективизм, эклектизм и механицизм. Достаточно указать на лозунг Троцкого „без царя, а правительство рабочее" или на его теорию перманентной революции, чтобы убедиться в антимарксистском содержании его методологических позиций. В самом деле, этот лозунг является наиболее ярким выражением субъективизма. Он вскрывает стремление Троцкого перепрыгнуть через объективный ход истории, игнорировать социально-экономические условия России. Далее, его теория перманентной революции насквозь эклектична. Это превосходно разоблачил Ленин. Вот например, как он охарактеризовал его теорию перманентной революции. Она „берет у большевиков призыв к решительной революционной борьбе пролетариата и к завоеванию им политической власти, а у меньшевиков—отрицание роли крестьянства" (т. XIII, с. 213).

Тов. Сталин, говоря об оппортунистических, меньшевистских истоках этой теории, чрезвычайно ярко отметил ее враждебность ленинизму, ее контрреволюционное содержание. В своем письме в редакцию журнала „Пролетарская революция" он

прямо заявил: „Они (левые в германской социал-демократии.— *А. Д.*) сочинили утопическую и полуменьшевистскую схему перманентной революции (уродливое изображение марксовой схемы революции), проникнутую насквозь меньшевистским отрицанием политики союза рабочего класса и крестьянства, и противопоставили ее большевистской схеме революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. В дальнейшем эта полуменьшевистская схема перманентной революции была подхвачена Троцким (отчасти Мартовым) и превращена в орудие борьбы против ленинизма" („Пролетарская революция" № 6, 1931, с. 6).

Так характеризует троцкистскую теорию перманентной революции т. Сталин. Эта характеристика воочию убеждает нас в том, что теория перманентной революции Троцкого и объективно и субъективно отвечает задачам и целям империалистической реакции, что она идет в разрез с правильно поставленной и разрешенной Лениным проблемой союза рабочего класса и крестьянства.

Проблема союза рабочего класса с основными массами крестьянства не получила правильного резрешения и у представителей правого уклона. Бухарин и его группа в формулу „союз рабочего класса и крестьянства" вложили отнюдь не ленинское понимание. В самом деле. С точки зрения т. Бухарина союз рабочего класса и крестьянства призван обеспечить в первую голову „простор к наиболее полному развитию производительных сил", к наибольшему приросту „материальных ценностей".

Верна ли такая трактовка союза? Отнюдь нет. При такой трактовке союза совершенно устраняется конкретный, качественно определенный рост производительных сил, исчезает также и классовая форма их движения.

„Ошибка т. Бухарина,—говорит Сталин,—состоит в том, что он не понимает и не приемлет простой вещи, он забывает о социальных группировках в деревне, у него исчезают с поля зрения кулаки и беднота, и остается одна лишь сплошная середняцкая масса" („Вопросы ленинизма", с. 494). Разумеется, такая установка влечет за собой неправильное понимание классовой борьбы в современной деревне. Так например, по мнению т. Бухарина, рост производительных сил в условиях диктатуры пролетариата неизбежно должен сопровождаться потуханием классовой борьбы и постепенным врастанием капиталистических элементов в социализм. Это хорошо видно из следующего места „Атаки". Бухарин пишет: „Когда мы хотим ответить себе на вопрос, что же должно происходить после завоевания власти рабочим классом (само собою разумеется, поскольку мы берем изолированно одну страну), то ответ

гласит: внутри этой страны дальнейшее развитие к социализму идет революционным путем и не может иначе итти т. е. другими словами: после завоевания власти рабочим классом и начинается действительное врастание в социализм" („Атака", 1925, с. 275)

Такое „развитие к социализму" носит совершенно превратный, антимарксистский характер. Выходит так, что капиталистические элементы страны, борющиеся с советской властью (кулацкий террор, вредительство и другие формы классовой борьбы), в условиях диктатуры пролетариата могут мирно врасти в социализм. Правда, по Бухарину, классовая борьба не прекращается и после завоевания власти пролетариатом, но она существует в форме неодинакового отношения государства к кооперативам трудовым и к кооперативам кулацкого типа.

Разумеется, такое понимание классовой борьбы в переходный период является глубоко ошибочным. Но у Бухарина это не случайно брошенный взгляд. Эту же точку зрения он проводит и в других работах. О чем это говорит? О том, что т. Бухарин не понял или вовсе игнорировал известнейшее замечание Ленина: „Диктатура пролетариата есть продолжение классовой борьбы в новых формах. В этом гвоздь, этого не понимают" („Ленинский сборник" III, с. 500). Более того, это говорит о том, что у него налицо чисто метафизический подход к проблемам классовой борьбы в переходный период.

Ленин отнюдь не рассматривал диктатуру пролетариата как „натуральный ряд развития", как это делает т. Бухарин. Он считал, что в период диктатуры пролетариата рост производительных сил должен происходить преимущественно в форме развития социалистических общественных отношений, при которых обостренный характер классовой борьбы с капиталистическими элементами не есть случайность, не есть результат оплошностей советского аппарата, но является неизбежным следствием революционного осуществления партией и рабочим классом экономических и политических задач диктатуры пролетариата. Вот почему лозунг ликвидации кулака как класса на базе сплошной коллективизации вполне отвечает ленинскому анализу форм классовой борьбы. Таким образом бухаринское решение вопроса о „развитии к социализму", и о союзе рабочего класса и крестьянства в системе диктатуры пролетариата отнюдь не является правильным.

Успехи победоносного социалистического строительства, достигнутые под руководством партии, целиком подтвердили ленинское понимание задач диктатуры пролетариата и разбили наголову правых оппортунистов. Рабочий класс, овладевая техникой, развивает невиданные темпы роста промышленности и сельского хозяйства. Мы не только ликвидировали безрабо-

тицу, но и увеличили численность пролетариата до 16 млн. 566 тыс. человек. В важнейших зерновых районах завершена сплошная коллективизация и ликвидация кулачества как класса. Достигнуты значительные успехи в деле организационно-хозяйственного укрепления колхозов. Рабочий класс и партия завершают пятилетку в четыре года, создавая базу для дальнейших гигантских успехов социализма.

Мы разбили все попытки контрреволюционных организаций опереться в борьбе против диктатуры пролетариата на раскулаченную часть кулачества, на вытесняемых торговцев, на деклассированную мелкую буржуазию, на изгоняемых из советского аппарата бюрократов, белогвардейцев, казнокрадов и т. д., и отбили всякую охоту у известной части старой технической интеллигенции к дезорганизации, к вредительству в социалистическом хозяйстве. Правда, всего этого мы достигли не без усилий.

Однако нужно прямо сказать, что пролетариат нашей страны не мог бы выполнить таких гигантских задач, если бы он не умел в той или иной форме применять революционное насилие как средство содействующее, обеспечивающее процесс выкорчевывания капиталистических элементов. Конечно это далеко не значит, что историческая роль диктатуры пролетариата может быть сведена только к насилию. Ленин неоднократно в своих работах и речах отвергал подобные суждения, вскрывал всю необоснованность, вздорность буржуазных и мелкобуржуазных представлений об исторической роли диктатуры пролетариата. Он говорил, что представление о диктатуре пролетариата как о произволе проистекает не только из неправильного понимания теории классовой борьбы, но и из классовых интересов, неизбежно оправдывающих капиталистическую систему.

Ленин строил и укреплял пролетарское государство и авторитет партии не на насилии, как думают Каутские и Гильфердинги, а на широком доверии рабочего класса, приобретенном партией благодаря ее глубочайшей преданности интересам класса, упрочению связи с массами и правильности ее теоретической и политической линии. Ленин самым решительным образом отметал взгляды, приводящие к отождествлению руководства партии с „диктатурой партии", независимо от того, из какой стороны они исходили, так как он прекрасно видел, что присваивание партии функций насилия в отношении класса неизбежно привело бы к подрыву и нарушению правильных взаимоотношений между авангардом и классом.

Разумеется, позиция буржуазных демократов типа Каутских Гильфердингов в этом вопросе нам вполне понятна. Для них

диктатура пролетариата и руководство коммунистической партии не сулят ничего хорошего. Диктатура пролетариата с корнем вырвет их идеологическое и политическое влияние на пролетариат и на непролетарские трудящиеся массы, уничтожит экономические источники их существования и покажет на практическом, творческом опыте великое превосходство руководства пролетариата перед реакционной диктатурой буржуазии. Она разобьет в пух и прах все мелкобуржуазные иллюзии о всемогуществе парламентских форм борьбы, о прогрессивности буржуазной демократии и явится величайшим источником развития широкой пролетарской демократии, выражающей интересы подавляющего большинства трудящихся.

Вот почему Ленин неустанно подчеркивал могущественную роль диктатуры пролетариата, ее характерные черты, вытекающие из коренных условий пролетарской революции и исторических задач переходного периода в целом. Вот почему он видел в ней не только насильственную сторону, но и другие черты, своеобразное переплетение и единство которых превращают ее не только в орудие международной революции, но и в гигантский рычаг социалистического строительства. „Диктатура пролетариата,—писал он,—есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и административная, против сил и традиций старого общества“ (т. XVIII, с. 136).

В полном согласии с Лениным превосходную формулировку трех сторон диктатуры пролетариата дает т. Сталин. „Диктатура пролетариата,—говорит он,—есть не только насилие, но и руководство трудящимися массами непролетарских классов, но и строительство социалистического хозяйства, высшего по типу, чем хозяйство капиталистическое, с большей производительностью труда, чем хозяйство капиталистическое. Диктатура пролетариата есть: 1) неограниченное законом насилие в отношении капиталистов и помещиков, 2) руководство пролетариата в отношении крестьянства и 3) строительство социализма в отношении всего общества. Ни одна из этих трех сторон диктатуры не может быть исключена без опасности исказить понятие диктатуры пролетариата. Только все эти три стороны, взятые вместе, дают нам полное и законченное понятие диктатуры пролетариата“ („Вопросы ленинизма“, 1930, с. 202).

Таково марксистско-ленинское понимание диктатуры пролетариата и ее исторической роли. И нужно сказать, что только это понимание дает ключ к правильному и глубокому осмысливанию задач и целей, осуществляемых пролетариатом и его партией в ходе пролетарской революции и социалистического строительства. Поэтому без изучения в тесной связи и во взаимодействии указанных т. Сталиным трех сторон

диктатуры пролетариата нельзя понять всего своеобразия и всех особенностей современного этапа вступления нашей страны в период социализма, а равно и другие этапы диктатуры пролетариата. По той же причине пропаганда и защита основных принципов ленинизма, а также практических директив партии и ее ЦК должны иметь в качестве исходного момента четкое и ясное усвоение исторической роли диктатуры пролетариата, так как „искажение понятия диктатуры пролетариата" и ее роли влечет за собой уклон и отход от генеральной линии партии. Только поднявшись на уровень марксистско-ленинского понимания диктатуры пролетариата и ее роли, можно стать вполне сознательным участником социалистического наступления по всему фронту, стать непримиримым борцом против всяческих извращений партийной линии как справа, так и „слева", как в политической, так и в теоретической области.

Существеннейшим препятствием на пути к осуществлению диктатуры пролетариата рабочим классом капиталистических стран является социал-демократия. Именно поэтому одной из главнейших задач коммунистических партий, работающих в капиталистических странах, должно быть разоблачение социал-демократии как „главной социальной опоры диктатуры буржуазии", как передового отряда фашистской буржуазии, и борьба за марксистско-ленинское понимание диктатуры пролетариата.

Однако уровень такого понимания диктатуры пролетариата уже не за горами. Под влиянием углубления кризиса капитализма, развертывания работы Коминтерна и братских компартий и величайших успехов в строительстве социализма в СССР пролетариат Запада начинает все более и более убеждаться в том, что только коммунистическая партия обладает железной, несокрушимой волей и энергией для свержения капиталистического рабства и для руководства огромной творческой работой по строительству социалистического общества. Целый ряд демонстраций, боевых массовок, происходящих в Германии, успехи массовой агитации английской компартии против вновь образованного „национального правительства", обострение революционной борьбы в Польше, в Испании и других странах неопровержимо свидетельствуют о возрастающем влиянии коммунистической партии в рабочем классе и о росте сопротивления пролетариата международной реакции.

Конечно этот сдвиг, происходящий на фоне обостряющегося кризиса капитализма и величайших достижений СССР, не может не внушать страха за судьбы капитализма не только магнатам капитала, но и виднейшим руководителям капиталистических государств. Чрезвычайно характерна в этом смысле статья Муссолини, опубликованная в июле 1931 г. в „Берли-

нер Берзенкурьер". Муссолини, в страхе перед пролетарской революцией, пишет:

„Достаточно будет еще одной зимы нищеты и голода, чтобы б о л ь ш а я ч а с т ь Е в р о п ы с т а л а б о л ь ш е в и с т с к о й. Налицо уже совершенно ясные и недвусмысленные симптомы большевизации Европы. Еще есть время предотвратить эту опасность. Нет недостатка в признаках, указывающих на процесс разложения средних классов, которые охотно принимают большевизм.

Весьма симптоматичным фактом является имевший место на днях случай перехода на платформу коммунизма и принятия программы коммунистической партии одной из германских организаций сельских хозяев. Интеллигенция открыто склоняется к коммунистическому учению. Беспорядки и нужда создают великолепную питательную среду для развития культуры коммунистических бацилл.

Достаточно будет коммунизму перешагнуть через В и с л у, чтобы коммунистическая зараза охватила всю территорию до Рейна, откуда она, подобно эпидемии чумы, распространится по всей Европе и по всему миру. Ни одна страна не является изолированным островом в политическом и экономическом отношениях. Мы должны стремиться во что бы то ни стало поддерживать солидарность западной культуры, которая является основой современной цивилизации. Поэтому ныне нужно действовать, не теряя времени".

Итак Муссолини, отмечая угрожающий рост большевизации Европы, призывает буржуазию „действовать, не теряя времени". Конкретно это означает, что вождь итальянского фашизма предлагает буржуазии стать на путь активного внедрения фашистских методов управления и „регулирования" государственной жизнью, предлагает от проповеди интервенционной политики в отношении СССР перейти к „делу".

Однако чувство страха перед коммунистической революцией и хлопоты о „выздоровлении" капиталистической цивилизации заставляют бить тревогу не только Муссолини, Черчилля и др., но и социал-демократию, непрерывно эволюционизирующую в сторону фашизма. Это хорошо видно из статьи Штессингера, опубликованной в теоретическом органе германской с.-д. партии „Das freie Wort".

В этой статье, озаглавленной „Активный антибольшевизм", он пишет: „Социал-демократии недостает полной решительности в отношении большевизма... Мне кажутся лишними постоянные уверения социал-демократии, что она не участвует в интервенционной политике против СССР. В действительности наша борьба против большевизма прекращается там, где защита переходит в наступление. Мы отрицаем большевизм

для Германии. Это ничего не стоит. Мы должны его отрицать и там, где он господствует, т. е. в России".

Достаточно поставить это выступление в связь с выступлением Муссолини, чтобы увидеть, насколько велико единодушие социал-демократии и фашизма как в вопросах борьбы против международного большевизма, так и в вопросах интервенционной политики против СССР. А это говорит о многом. Во первых, это говорит о том, что социал-демократия в своих попытках вылечить „больной дезорганизованный капитализм" ушла так далеко, что по существу без всяких сколько-нибудь серьезных оговорок приемлет все средства и способы борьбы, предлагаемые главой итальянского фашизма. Стремясь „поддержать солидарность западной культуры", она по примеру фашизма объявляет бешеный террор против революционных элементов, не желающих испытывать на своих плечах ее явно штрейкбрехерскую практику. Из последних данных видно, что в Германии в течение 1930 г. социал-фашистские профчиновники исключили из местных профессиональных организаций 30 500 оппозиционных рабочих, выразивших свое справедливое недоверие их руководству и их политике в отношении СССР.

Во-вторых, это говорит о том, что социал-демократия стала еще более активно содействовать буржуазно-фашистским правительствам в их стремлениях выйти из мирового кризиса за счет грабежа рабочих, за счет снижения жизненного и культурного уровня трудящихся. Это содействие нашло наиболее яркую форму проявления в оказании помощи предпринимателям в проведении снижения заработной платы и в сокращении пособий безработным.

Но на фоне небывалой нищеты широких масс штрейкбрехерская практика социал-фашистов способна только ускорить и усилить отход рабочих от реформистских профсоюзов. Именно это мы и видим сейчас. Так например во второй половине 1930 г. ушло из Всеобщего объединения германских профсоюзов 230 тыс. членов и около 300 тыс. членов в первой половине 1931 г. Этот уход чрезвычайно знаменателен. Он характеризует не только рост революционных настроений среди организованных рабочих, но и знаменует собой начало отхода значительных масс от реформистских профсоюзов. Он указывает на массовое освобождение организованных рабочих от социал-фашистского влияния, на углубление кризиса капитализма и переход передовых рабочих на революционно-классовые позиции Профинтерна. Кроме того этот отход характеризует собой восхищение широких масс величайшими подвигами советского пролетариата и его партии в деле строительства социализма.

Необходимо отметить также, что за последнее время особенно участились случаи выхода социал-демократов из своих партий, возросло в их рядах число „семейных ссор" и авантюр. Это говорит о том, что мы имеем налицо все признаки разложения социал-демократии.

Однако было бы ошибочным полагать, что реформизм и социал-фашизм могут исчезнуть с лица земли в силу своего собственного распада или в силу посылаемых по их адресу проклятий. Для полной победы над ними необходима неустанная, упорная работа среди широчайших масс по разоблачению всей цепи предательств и измен, совершенных реформистами и социал-фашистами по отношению к рабочему классу. Необходимо добиться крупнейших успехов в работе внутри реформистских профсоюзов, на фабриках и заводах, где сталкиваются члены компартии и члены революционной профоппозиции с широкими массами, не порвавшими связи с реформистскими организациями. Необходимо вывести на чистую воду интервенционистов, прикрывшихся фразами о признании СССР, создать боевые массовые организации, стоящие на позиции единого красного фронта против фашизма и социал-фашизма.

„Чтобы разрешить историческую задачу завоевания диктатуры пролетариата,—говорит программа Коммунистического интернационала,—коммунистическая партия должна предварительно поставить и выполнить основные стратегические цели.

Завоевание под свое влияние большинства членов собственного класса... Для достижения этого необходимо обеспечить решающее влияние компартии на широкие массовые организации пролетариата (советы, профсоюзы, фабзавкомы, кооперативы, спортивные, культурные организации и т. д.). В особенности важное значение с точки зрения завоевания большинства пролетариата имеет овладение профсоюзами, этими действительно массовыми организациями рабочего класса, связанными с повседневной его работой. Работа в реакционных профсоюзах и умелое овладение ими, завоевание доверия широких профессионально организованных масс, смещение и „снятие с постов" реформистских руководителей есть одна из важнейших задач подготовительного периода".

Вот почему коммунистические партии, работающие в капиталистических странах, прилагают все усилия к тому, чтобы удесятерить борьбу против реформизма и социал-фашизма в указанном Коминтерном направлении. Ибо без разрешения этой задачи невозможна окончательная и решительная победа диктатуры пролетариата над капитализмом. По той же причине в ответ на заботы социал-фашистов о спасении капитализма, на их попытки найти контрреволюционный выход из экономического

кризиса, коммунистические партии отвечают организацией многотысячных демонстраций, разоблачением и разъяснением их лживых позиций.

Но наряду с борьбой против реформизма и социал-фашизма одним из важнейших условий подготовки пролетарской революции на Западе и победы диктатуры пролетариата является возрастающая мощь нашей советской хозяйственной системы, ее преимущества перед капиталистической системой. Больше того. Сам факт существования Советского союза, в котором начисто ликвидирована безработица, установлен 7-часовой рабочий день, гигантскими темпами развертывается социалистическая промышленность и социалистическое сельское хозяйство, воодушевляет рабочие массы на революционную борьбу против капиталистической системы. Именно по той же причине даже среди буржуазного класса появляются люди, которые под влиянием углубления и обострения экономического кризиса начинают высказывать трезвые суждения о „судьбах капиталистической цивилизации" и об исторической роли „новых методов" Ленина, т. е. диктатуры пролетариата.

В этом смысле чрезвычайно характерно выступление Бернарда Шоу. „Мы знаем теперь из истории,—говорил он,—что существовало очень много цивилизаций и что они, достигнув той точки развития, до которой дошел теперь западный капитализм, гибли и вырождались. Неоднократно представители человеческой расы пытались обойти этот камень преткновения, но терпели неудачу. Ленин создал новый метод и обошел этот камень преткновения. Если другие последуют методам Ленина, то перед нами откроется новая эра, и нам не будет грозить крушение и гибель, для нас начнется новая история, история, о которой мы теперь не можем даже составить себе какого-либо представления".

К не менее трезвым выводам пришел автор статьи „Социализм на практике" Кальвин Гувер. В этой статье, опубликованной в американском ежемесячнике „Каррент Хистори", он пишет: „Впервые в истории капитализм переживает период острого экономического расстройства, в то время как наряду с ним существует социалистическая система. Социализм не находится уже в области теории; он уже не только философское построение и предмет чаяний. К добру это или ко злу, но он уже существует в реальной действительности".

Но из числа вынужденных буржуазных признаний наших достижений и успехов, признаний „верности марксистского диагноза", нельзя обойти молчанием и заявление Филиппа Керра, являющегося выдающимся либеральным писателем Англии. В своей статье „Возрождение или упадок", опубликованной в сентябрьском номере „Контемпорэри Ревью", он

пишет: „Я признаю, что предсказания Маркса и Ленина насчет неизбежного развития современного западного общества исполнились с самой неприятной точностью: рост международной капиталистической монополии, упадок демократии, бессилие тред-юнионизма, слабость национального государства перед лицом международного финансового капитала, эксплоатация цветных рас и т. д. Если осмотреться кругом в западном мире, как он есть, с его беспрерывными потрясениями, то разве не ясно, что мы должны изучить более глубоко, чем делали до этого времени, фундаментальные причины явлений. А если мы это сделаем, то, я думаю, мы увидим, что значительная часть марксистского диагноза верна".

Таковы выводы передовых представителей современной буржуазии. Правда, они не блещут ни новизной, ни исключительной оригинальностью. Однако они не лишены здравого смысла. И это тем более, что эти вынужденные признания о том, что „значительная часть марксистского диагноза верна", что „социализм уже существует в реальной действительности" и что „новые методы" Ленина „открывают новую эру",—показывают, насколько лживы и анекдотичны суждения о СССР профессиональных мошенников из Амстердамского и II Интернационалов. Победное наступление социализма и коммунистической революции не остановят никакие реакционные теории о „классовом мире", никакие интернациональные планы и замыслы, никакие „левые" маневры социал-фашистов, ибо теперь даже слепые видят, что, только стоя на почве последовательной классовой борьбы, на почве признания исторической роли диктатуры пролетариата, пролетариат может одержать победу над капитализмом, что только под руководством Коминтерна и Профинтерна он может проложить путь к строительству коммунистического общества.

ПОГАШЕНО
ПОГАШЕНО
ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПАРТИЗДАТ“

НОВЫЕ КНИГИ:

Ленин В. И., Маркс, Энгельс, марксизм, 1932 г., стр. 220, ц. 1 р. 25 к. Институт Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б).

Ленин В. И., Империализм как высшая стадия капитализма. Популярный очерк. Второе изд. 1932 г., стр. 112, ц. 60 к., перепл. 35 к.

Сталин И., Вопросы ленинизма. Изд. 9-е дополнен. 1932 г., стр. 618, ц. 2 р. 50 к., перепл. 75 к.

Косснор Ст., Создадим бесклассовое общество во второй пятилетке. Речь на XVII конференции ВКП(б), 1932 г., стр. 16, ц. 5 к. Материалы XVII конференции ВКП(б).

Стецкий А., Социалистическое общество—осязаемая реальность завтрашнего дня, 1932 г., стр. 19, ц. 7 к.

Закат капитализма в троцкистском зеркале (О книге Е. Преображенского „Закат капитализма“) Бригада ИКП мирового хозяйства и мировой политики. А. Брейтман, М. Меклер, З. Гуревич, Н. Загорский, Ан. Зоркий. Сборник статей под ред. Г. Рогинского, 1932 г., стр. 104, ц. 75 к.

Большевистское руководство массами—на высшую ступень (Для партийного актива), Стр. 32, ц. 18 к. Агитмасс и Культпроп МК и МГК ВКП(б).

Мехлис Л., Классовая борьба во второй пятилетке. Стр. 47, ц. 20 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Спиноза Б. Переписка. Перевод с латинского и голландского В. К. Брушлинского, с предисловием В. Вандека и В. Тимоско.

Гегель и диалектический материализм (к столетию со дня смерти Гегеля). Сборник обработанных стенограмм и докладов. Под редакцией Горохова, Адоратского и Ральцевича.

Марксизм-ленинизм и Дарвин. К 50-летию со дня смерти Дарвина, Сборник статей Бухарина, Вавилова, Кольмана, Завадовского. Под редакцией Валескали и Токина.

Вышинский П. Л. Фейербах и диалектический материализм.

Диалектический и исторический материализм. Учебник для комвузов и вузов. Под ред. Митина и Разумовского.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ В МАГАЗИНЫ ПАРТИЗДАТА И КНИГОТОРГОВОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ОГИЗА